

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

Важнейшая задача парторганизаций

— Нельзя играть негигиеничного большевика-ленинца, если ты сам не стремишься быть таким же ленинцем! Нельзя разоблачать своей игрой врагов, если ты не пролился ненавистью к врагам народа!

Эти слова заслуженного артиста республики Черкасова, сказанные им несколько дней назад на собрании интеллигенции Ленинграда, мог бы повторить каждый советский интеллигент, кто захотел бы по-настоящему чувствовать коммунистичность в творческой работе.

Алексей Максимович Горький говорил на первом съезде писателей, что **внутренне** каждый из советских писателей должен чувствовать себя действительным членом ленинской партии.

Да, сотни и тысячи советских интеллигентов, непартийных большевиков, будут народными учителями или скамьями, академиками или писателями, своим трудом, своим творчеством делая большое партийное дело, приближая себя к великой партии Ленина—Сталина.

Дело партии стало роковым и кровным делом всего советского народа.

Это особенно ярко видно в том весеннем полемике, который охватил всю нашу страну от края и до края. В невольничестве демократии любви советской интеллигенции к мудрой партии большевиков вылились собрания советской интеллигенции в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Баку, Алма-Ате, Воронеже, Харькове и других городах. Поэты Николая Бажан, Александр Прокофьев, Самел Вургул сдвинули на этих собраниях блестящие доклады об итогах XVIII съезда ВКП(б) и задаче советской интеллигенции в деле коммунистического воспитания трудящихся.

Эти собрания и выступления на них, имеющие от глубины сердца, свидетельствуют, как партия Ленина—Сталина вдохновила и открыла новую советскую, социалистическую интеллигенцию. Армия советских интеллигентов огромна, и она будет непрерывно расти, охватывая все больше слоев народа. Ибо последовательность, в процессе нашего движения к коммунизму, будут все больше стираться грани между умственным и физическим трудом. И партия большевиков призывает народ к коммунизму, где все общество будет состоять из образованных и культурных людей. — Мы хотим, — говорил товарищ Сталин, — сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем.

Советская интеллигенция находится сейчас в полном расцвете своих творческих сил. Окрыленная идеями коммунизма, она связала свою судьбу с судьбой народа, с судьбой партии Ленина—Сталина и готова в своей массе служить народу, партии верой и правдой.

Понимая это, партийные организации должны сейчас на деле осуществлять Сталинское указание о том, что к новой советской интеллигенции необходимо дружики относиться, заботиться о ней, уважать ее.

Великое и дружественное сотрудничество рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции создает морально-политическое единство советского народа, которое дает несокрушимую силу нашему отечеству и ищет советский патриотизм.

Сталинское отношение к новой советской интеллигенции нашло свое полное отражение в Уставе ВКП(б), принятом на XVIII съезде партии. Изменения в Уставе отражают величие побед социализма в нашей стране и те исторические изменения, которые произошли в классовой структуре нашего общества. Партия осуществляет руководство рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией — всем советским народом в борьбе за победу коммунизма.

Поэт Николая Бажан в своем докладе на собрании интеллигенции Киева прекрасно сказал: Изменения в Уставе партии, изложенные в докладе товарища Жданова и принятые XVIII съездом, отражают Сталинскому постановку вопроса о новой советской интеллигенции, неразрывно связанной с народом. В этих условиях для новой советской интеллигенции установились одинаковые условия труда и одинаковый кандидатский стаж, равные с рабочим классом. Вмешательство в это изменение в Уставе партии. На какую высоту поднял XVIII съезд советскую интеллигенцию, какая всемирно-историческая роль пред-

назначена советской интеллигенции в свершеннейшем деле всего человечества, в деле построения коммунистического общества!

Сознательные, активные и преданные делу коммунизма рабочие, крестьяне, интеллигенты на равных условиях принимаются в партию, но единым трудовым фронтом стоят они, все выше поднимаемая в условиях оверелого капиталистического устройства просторную, полную света и социальную страну коммунизма.

У советской интеллигенции слова не расходятся с делом. Многие лучшие ее представители вступили в ряды большевистской партии. Среди вступивших недавно в партию — писатели Николая Бажан, Самел Вургул, Виктор Гольцев, Евг. Петров, Илья Стебун, академик Сергей Соколов и Николай Бурденко, народная артистка СССР Валерия Барсова и другие.

Партия Ленина—Сталина создает все возможности для вступления в ее ряды действительно передовых людей нашей страны.

Задача партийных организаций советских писателей заключается сейчас в том, чтобы, разъясняя и изучая материалы XVIII съезда ВКП(б), повести работу среди беспартийных масс, возглавлять творческую активность советской интеллигенции, вовлекая лучших ее представителей в ряды большевистской партии.

Большим резервом для роста партии является ленинский комсомол. Однако даже в московской парторганизации писателей вовлечение лучших комсомольцев-писателей в партию идет очень слабо. Между тем известно, какую талантливую поросль советской литературы составляет молодежь. Многие из ее представителей награждены орденами за выдающиеся успехи в развитии художественной литературы.

Поэтому в политико-воспитательной работе, которая велась до сих пор явно неудовлетворительно, необходимо поставить изучение истории ВКП(б) и принятых решений XVIII съезда ВКП(б), докладов товарищей Сталина, Молотова и Жданова.

Следует всячески приветствовать прекрасных поэтов большевиков Киева, безпартийные писатели выступают пропагандистскими решениями XVIII съезда ВКП(б). Этот опыт должен быть одобрен и подхвачен.

Надо покончить с замкнутостью в работе партийных групп и парторганизаций писателей, смелее, инициативнее, более вдумчиво строить свою работу, беспощадно изгонять канцелярщины, шаблон.

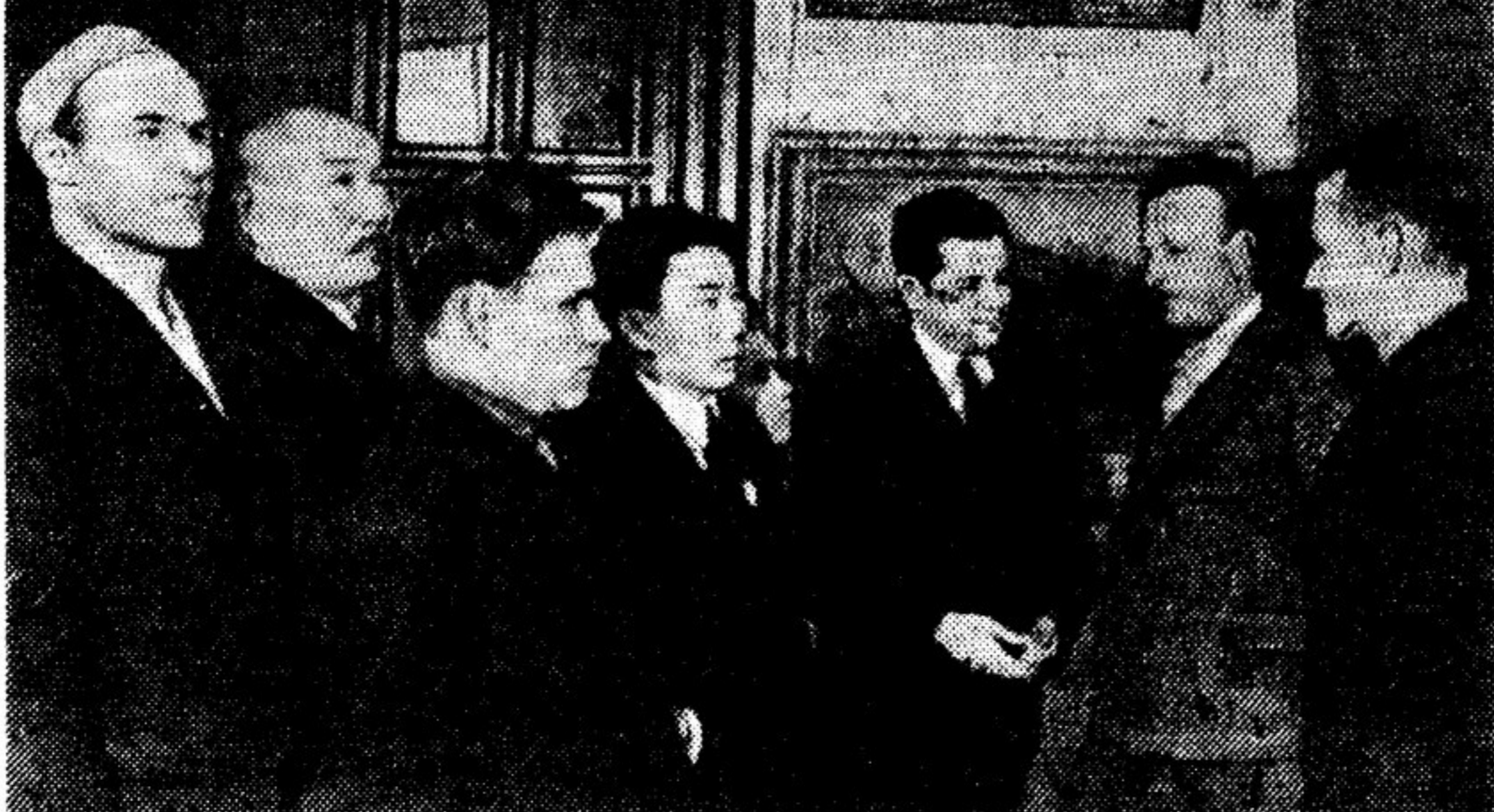
К сожалению, печальная практика ряда парторганизаций, где проводились заседания в канцелярских кабинетах, администрация и мажорское отношение к интеллигенции, далеко еще не изжиты. Об этом свидетельствует, например, публикуемое сегодня письмо из Татарии. Здесь некоторые коммунисты-литераторы неправильно, не побольшевически себя ведут: противопоставляют коммунистам беспартийным писателям и даже не доверяют им редактирование книг.

Правильно работать — значит покончить с недооценкой роли беспартийных кадров работников искусства в определении путей самого искусства, в деле руководства развитием искусства.

Работа партийных организаций должна быть перестроена в духе решений XVIII съезда ВКП(б), надо поспешнее крепить связи с беспартийными писателями, звать их в партию, быть в курсе их творческих направлений, уметь во-время прийти на помощь тому или иному литератору.

Роль коммуниста-писателя особенно сложна и ответственна. Он должен постоянно и упорно совершенствоваться в своем литературном мастерстве, непреклонно обогащать себя знаниями марксистско-ленинскими писателями. Достичь этого можно будет лишь тогда, когда вопрос о творчестве не только коммуниста-писателя, но и беспартийного литератора станут главнейшими в жизни и работе писательских партийных организаций.

Это укрепит связь между коммунистами и беспартийными, поможет с большей смелостью и широтой выявлять и вовлекать в ряды большевистской партии передовых, преданных коммунизму людей.

Сегодня открываются трехдневные курсы-конференции писателей автономных республик и областей Союза. На снимке: группа участников курсов-конференции осматривает выставку картин Р. Фалька в Московском клубе писателей. Слева направо: Д. Хушвахов, Х. Намсараев, В. Елькин, Ц. Галсанов, В. Юннин, В. Гольцев, Б. Миллер и М. Варшавиндэ. Фото О. Курьяков.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

9 апреля под председательством А. Н. Толстого состоялось очередное заседание комитета по ознаменованию 50-летия со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина.

После информации М. Эсен о работе комитета и готовящихся изданиях произведений Щедрина было заслушано сообщение В. Я. Кирпичникова и Н. В. Яковлева о подготовке к щедринской дате в Ленинграде. Здесь образован щедринский комитет под председательством Ю. Тынянова. Возбуждено ходатайство о переименовании Кирпичной улицы в улицу Щедрина и об установке памятника писателю на одной из площадей Ленинграда.

Институт литературы устраивает на одном из крупных предприятий Ленинграда научное заседание. Герценевский институт и Ленинградский университет организуют заседания своих литературных кафедр. Ленинградский лекторий наметил программу вечеров в клубах и на предприятиях города. Комитет постановил возбудить ходатайство о приведении в порядок могил писателя на Волковом кладбище и об устройстве музея в бывшей ленинградской квартире Щедрина, заселенной в настоящее время посторонними жильцами.

О стационарной и передвижной выставках, посвященных жизни и творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина, которые готовит в Москве Государственный литературный музей, сообщил В. Д. Бонч-Бруевич. Кроме того большую выставку готовит в Ленинграде Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина и Институт литературы Академии наук СССР.

Торжественное заседание, посвященное 50-летию со дня смерти Салтыкова-Щедрина, состоится в Москве 10 мая. С докладом о творчестве великого писателя выступит В. Я. Кирпичников. Литературная часть вечера будет посвящена исполнению текстов Щедрина.

СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

ТАШКЕНТ. 14 апреля. 23 апреля в Ташкенте открывается съезд советских писателей Узбекистана. Съезд обсудит доклад о задачах советской литературы в связи с решениями XVIII съезда ВКП(б), о состоянии узбекской литературы и задачах Союза советских писателей Узбекской ССР, о Новой и проблеме литературного наследства, об узбекском фольклоре. Составятся выборы руководящих органов.

На съезде будет присутствовать около 150 писателей и народных сказителей Узбекистана и делегации от братских республик.

Сейчас в Ташкенте ведется деятельная подготовка к съезду. 16 апреля в Доме Красной Армии состоится встреча писателей с командирами-орденоносцами. 18 апреля проводится общегородская конференция писателей. Публичная библиотека к открытию съезда готовит выставку «Узбекистан в советской литературе». Во время работы съезда на предприятиях Ташкента и в частях Красной Армии будут проведены выступления и встречи писателей с читателями.

ПИСЬМО РОМЭН РОЛЛАНА

Ниже мы публикуем письмо Ромэна Роллана переводчице А. П. Оравской (литературный псевдоним — Алиэ Оран). А. П. Оравская известна своими переводами советской политической и художественной литературы на французский язык. Ее переводы «Краткий курс истории государственного театра—произведения современной каракалпакской драматургии «Коклен-батыр» — о народном восстании во второй половине прошлого века и «Нове люди» — из современной колхозной жизни, пьесы Бегимова «Освобождение от рабства» — о Великой социалистической революции и «Кто это?» — о гражданской войне в Кара-Калпакии.

Она из важнейших задач союза писателей Кара-Калпакии — объединить писательской организации все литературные силы автономной республики. В настоящее время вокруг союза писателей сгруппировано 60 человек, из которых 20 являются членами и кандидатами союза писателей. Вокруг союза группируются, кроме литераторов, народные шарпы (певцы): Джаматали, Есемурат (играющий на кобыле), Карбамаед, являющиеся членами ССП, Казахбай, Менаж, Садык и Аббас.

Сегодня в Турткуль открылся съезд писателей Кара-Калпакии.

Преданный вам
РОМЭН РОЛЛАН.

ЮБИЛЕЙНОЕ ЧЕСТВОВАНИЕ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР и Государственный еврейский театр 13 апреля отпраздновали 60-летие рождения еврейского народного писателя Шолом-Алейхема.

Юбилейное заседание состоялось под председательством А. Н. Толстого, в президиум вошли русские и еврейские писатели: К. Тренев, К. Федин, П. Маркиш, М. Даниэль, И. Доружин, А. Кушницкий, проф. Н. Гудай, народный артист СССР С. Михоэлс и др.

В своем ярком выступлении Шолом-Алейхем говорит о многовековой трагедии еврейского народа, пронесенного через все испытания свои глубокие моральные принципы, свое национальное самосознание и стремление к счастью.

После сорока веков угнетения и преследований еврейский народ нашел обетованную страну, имя этой страны — Советский Союз. В ней осуществлено полное братство народов и здесь еврейский народ может свободно и полнократно работать во имя своего и общего счастья, счастья всего человечества.

Сейчас пришел час с особенной любовью вспомнить великого писателя еврейского народа Шолом-Алейхема. Он любил свой народ за его страдания, юмор, уточненную человечность — в этом истоки гуманизма его.

Шолом-Алейхем писал в своем завещании, чтобы его похоронили среди простых людей.

— Не простые мечты, — заканчивает оном речь А. Н. Толстой, — окружают твою могилу, а радостные лица твоего освобожденного народа, нашедшего обетованную землю, повернувшись к твоей могиле, спи спокойно. Ни одно слово твоё не забыто.

Проф. И. Нуснов говорит о глубоком гуманизме и реализме творчества Шолом-Алейхема.

Величайшей любовью к великому писателю была пронизана речь С. М. Михоэлса о Шолом-Алейхеме на сцене.

В заключение вечера состоялась большая концертная программа. Силами артистов театра были поставлены отрывки из двух пьес Шолом-Алейхема «Тень-малочка» и «200.000». Эм Каминка читал рассказы Шолом-Алейхема, артист Государственной филармонии Э. Б. Шугман исполнил еврейские народные песни на тексты писателя. С большим успехом выступили также заслуженный квартет республики им. Бетховена и оркестр Государственного еврейского театра под управлением Л. М. Пульвера.

СМОТР МОЛОДЫХ АКТЕРОВ

10 апреля в 15 театрах Московского совета начался смотр молодых актеров. Во время смотра, в течение месяца, будет просмотрено 66 спектаклей театров: Сатиры, Камерного, Театра революции, оперного театра им. Станиславского, музыкального театра им. Немировича-Данченко, театра Ленсовета, Цыганского театра, детских театров.

В мае будет созвана творческая конференция московских театров, которая подведет итоги смотра молодых актеров.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ВРАГИ ФРАНКО

Как сообщает парижская «Се суар», все газеты фашистской Испании по приказу Франко опубликовали статью, озаглавленную «Враги» и подписанную Антонио де Обрегон. В этой статье приводится список всех писателей, «действовавших против националистического движения». На первом месте в почетном списке врагов фашизма — Андре Мальро, Ромэн Роллан, Жюльен Бенда, Клод Авиш, Тристан Тессера, Луи Арагон.

АНТИФАШИСТСКОЕ ВYSTУПЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО АКТЕРА

На днях в Сан-Франциско состоялся большой вечер работников кино. Особенным успехом у публики пользовалось выступление знаменитого американского комика Эдди Кантора, пародировавшего нацистских хозевей третьей империи. «Номер» Эдди Кантора закончился овациями зрителя, бурно выражавших свои далеко не дружеские чувства в германским фашистам.

Скетч Кантора пришлось весьма не по вкусу местным фашистам-немцам, немедленно организовавшим, к счастью неудачное покушение на артиста. Фашисты продолжают грозить Кантору самой жестокой расправой.

Вынужденный просить у властей вооруженной охраны, Эдди Кантор, однако, не отступил и публично заявил, что предпочитает в ближайшие дни повторить свой номер и что вопреки сбор от его выступления будет входить в фонд помощи немецким антифашистам.

Поэт и переводчик

Великий русский язык естественно стал могучим средством национальных литератур, дружбы народов. Благодаря русскому переводу стало возможным в короткие сроки сделать известными достижения национальных литератур Советского Союза.

Кому ранее, кроме нескольких специалистов, были знакомы киргизский «Манас» или калмыцкий «Джангар»? Теперь они и многие другие произведения народного эпоса стали достоянием всего Советского Союза. Народное искусство прошлого оживилось близким и понятным, способствующим развитию социалистического сознания, воспитывающим благодарного настоящего человека. Великим праздником народов стали юбилей Пушкина, Мирая Али Ахундова, Тараса Шевченко. Предстоит юбилей Лермонтова, Шолом-Алейхема, гениального азербайджанского поэта Низами, празднование тысячелетия народного армянского эпоса «Сасунци Давид». Через эту, никогда ранее невиданную, эстетическую школу проходят целые народы.

Русские переводы помогли каждой из национальных литератур скорее освоить общие творческие успехи советской литературы. Великие произведения национальных литератур сказываются не только среди народа, на языке которого они созданы. Они формируют мировоззрение, амплитонный мир, эстетические взгляды миллионов кадров молодой интеллигенции всего Советского Союза.

Внимательно прошел по всей стране Сулейман Стальский. Голос Джамбула из далекого казахского аула гремит повсюду. Ему не мешают ни расстояние, ни разноречие. Произведения Горького, А. Толстого, Янки Купалы, Шолохова, Тынянова, киргизского акына Алымкула, Фадеева, Самела Вургула известны повсюду. Они входят обязательным элементом в культуру советского человека, к какой бы национальности он ни принадлежал.

Значение переводов с языков братских республик в советской литературе неизмеримо выросло. Художественные переводы заняли прочное и почетное место в ряду советской литературы.

Культура переводов с языков братских народов Советского Союза создана за годы советской власти. Это — одно из замечательных явлений социализма. Изучением по своей познанию, близости к оригиналу, передаче национального юмора такие переводы «Витязя в тигровой шкуре» Шота Гугутавели и «Кобяра» Шевченко. Они достаточно говорят о высокой степени изобретения и художественного мастерства, достигнутого в переводах советскими писателями. Общезвестны замечательные переводы грузинских поэтов, славяные Тихоновым и Пастернаком, азербайджанские переводы Павла Тычина, переводы казахского и киргизского эпоса Л. Пенсковского. Широко распространены многочисленные стихи и песни, переведенные Антокольским, Бажановским, Вяземским, Вроцким, Виткинским, Горюхиным, Иосифовым, Липицким, Луговским, Тарловским, Твардовским, Ушаковым в многими другими русскими поэтами. Советская литература вправе ими гордиться.

Однако достигнутые успехи не могут заслонить существующих во многих переводах с языков братских литератур крупных недостатков.

В среде советской интеллигенции много людей, прекрасно владеющих одним, а иногда и несколькими языками братских народов. Можно представить их справедливым возмущению в тех случаях, когда они читают одно и то же произведение, переведенное на несколько языков, и убеждаются в том, что один перевод отличается от другого не только формой, но и содержанием. Но произведение поэзии состоит не только из чисто логического смысла слова текста: его образуют также такие элементы, как ритм, образы, музыкальное звучание речи, размер, рифма и т. д. Если все это замещается несоответствующими оригиналу элементами, то перевод перестает быть переводом, не становится в коей мере самостоятельным произведением.

Еще не перевелись редакторы, относящиеся к крайним легкомыслием к печатаемым ими переводам. Допускаются произвольные сокращения или изменения текста, заменяются целые строки, придумываются несуществующие автору образы, высказанные им мысли.

В книге Сулеймана Стальского «Думы о родине», изданной библиотекой «Огонь» в 1938 году в переводе с лезгинского Оффенда Кадиева, опубликовано под названием «Ленин» стихотворение, названное автором «21 января». В нем сокращены строки, принадлежащие Стальскому, зато прибавлено то, что Стальский не сочинил и не мог сочинить.

О Сулеймане, твой скорбей взгляд,
И руки в горести дрожат:
Костры на улицах горят,
Какой холодный день сегодня.

Переводчик или редактор решил «улучшить» Стальского и подбросил ему заштампованную строку «Костры на улицах горят». Переводчик или редактор, перевернув эту строку из другого стихотворения, даже не подумал о том, что в явном Дагестане не бывает таких морозов, при которых понадобилось бы зажигать на улицах костры.

Ирские, замечательные образы поэзии Джамбула не всегда находят отражение в русских переводах. Стихи Джамбула переводчики «украшают» изумрудом, бирюзой, янтаром, «алмазовым блеском озер» и прочими «драгоценностями», поочередно из преискурантов величальных магазинов, и всякими другими перлами поведо-восточного поэзии. Джамбул переводится каказетром, чуждым казахской народной поэзии. Поэт П. Кузнецов сделал немало хороших переводов стихов Джамбула, но и он не всегда относится к своей работе с должной ответственностью.

Если такое «смещение образов» оказывается возможным по отношению к таким общепризнанным поэтам, как Джамбул и Стальский, какова же участь поэтов менее крупных? Многие из литераторов могли бы привести десятки фактов искажения своих произведений в русских переводах. У нас зачастую берутся за перевод национальных поэтов случайные люди, не имеющие ни малейшего представления о замечательном азербайджанском советском поэте Самеле Вургуле по бесомощным переводам Ю. Березовского?

Умение переводить — такое же искусство перевоплощения, как и искусство сценическое. Здесь следует проявить подлинный артистизм.

«Литературная газета» уже писала о недостатках перевода книги «Золотая степь» казахского поэта Таира Жарокова. Разве не отсутствием серьезного и добросовестного внимания к поэтическому образу стали достоянием всего Советского Союза. Народное искусство прошлого оживилось близким и понятным, способствующим развитию социалистического сознания, воспитывающим благодарного настоящего человека. Великим праздником народов стали юбилей Пушкина, Мирая Али Ахундова, Тараса Шевченко. Предстоит юбилей Лермонтова, Шолом-Алейхема, гениального азербайджанского поэта Низами, празднование тысячелетия народного армянского эпоса «Сасунци Давид». Через эту, никогда ранее невиданную, эстетическую школу проходят целые народы.

«Завихла мать, Земля неслась над бездной,
Как перышко, и было бесполезно ее ловить?»
Или когда предельные слова матери, в тоске зовущей к себе сына, «где ты, сыночек мой! Иди же сюда, джаным!» переводчик передает так:
«Взор потухал. Он изменили силы
Еще хоть раз!». Ой, больно! мальчик милый...»

К чему, например, в другом стихотворении того же автора переводчик шелестит казахским словом «ана», когда можно было сказать просто — «мать». Тем более так следовало сказать, что речь идет о матери-грузинке, а не казашке.

Все это образцы легкомысленной, неброкачественной работы, поощряемой равнодушными редакторами.

Случается, что вблизи какого-нибудь крупного поэта национальной республики обитает плохой литератор, считающий себя поэтом. Он стремится монополизировать творчество национального поэта, а часто это ему удается лишь потому, что подстрочники недоступны квалифицированному поэту, находящемуся в другом месте.

Квалифицированных литературных переводчиков, непосредственно знакомых с тем или иным языком народов Советского Союза, у нас есть очень немного. Их было бы значительно больше, если бы об этом заботились вузы. Во многих вузах, педагогических институтах, многие годы готовятся кадры переводчиков с иностранных языков, преимущественно западноевропейских языков. Но как ничтожно мало в центре и на местах школьных учреждений, где бы готовились кадры переводчиков с языков народов СССР. Пора паркомпрому создать республиканские организации по-настоящему это дело.

Даже писатель, хорошо знающий язык, не всегда может обойтись при переводе без толстого подстрочника. А пока подстрочник является единственным источником для точного воспроизведения текста. И хорошие поэты допускают серьезные ошибки в переводах из-за плохих подстрочников.

Что может сделать поэт, если ему придется переводить известные строки «Медного всадника»:

«На берегу пустынных волн
Стоял он, — дум великих полн,
И вдаль глядел» —
примерно с такого подстрочника:

«На берегу речки, на волнах которой
Не плавало ничто, стоял он, наполненный
Великими мыслями, и смотрел в гори-
зонт».

В советские писатели братских республик должны обеспечить настоящий культурный подстрочник. Надо отстоять от этой работы безразличных людей и поставить на их место людей образованных, любящих литературу, знающих слово. Работа над подстрочником — живая творческая работа. Должно быть поднято уважение к работникам этого дела, улучшение оплаты производимой ими работы.

Культура подстрочника намного была бы поднята вперед, если бы правление Союза советских писателей организовало краткосрочные курсы, чтобы товарищи из братских республик могли познакомиться с элементарными правилами перевода.

Особенно часто искажаются произведения советского фольклора — народная поэзия. Многие из произведений народной поэзии слагаются стариками-певцами, не знающими грамоты, их песни обычно записываются на-слух. От качества первичного записки во многом зависит их последующий вид.

Случается так, что какому-нибудь произведению особенно не везет, когда и запись неточна, и подстрочник неточен, и перевод беспомощен. В невольничестве опубликованной на русском языке талантливой поэзии 84-летнего ашука Адыгей Теугея Цуга имеются такие строки, в которых ашук менее всего повинен:

Вот поднялся князь суровый.
Он — как туца, как грова.
Мрачно раскрыты бровы
Князя мняного князя.

На тумане не посмотришь он
Взглядом пасмурным и терным,
Распрямив большое тело,
Он направился к уборной.

(Теугея Цуга Стихи и поэма. Адыгейский край. Майкоп, 1939 г. Перевод Евгения Чернышова. Записки и доклады переводчика Темботы Исрашва).

В редакциях и издательствах еще до сих пор переводы с языков братских литератур принимаются зачастую «на веру», без сопоставления их с оригиналом или даже с подстрочником.

У нас еще мало переводятся прозаические произведения и особенно пьесы с языков братских республик. Между тем это более простое дело, чем переводы стихов. Лучшие романы и пьесы национальных литератур вполне заслуживают того, чтобы их перевели мастера советской прозы.

Сейчас национальные комитеты правления ССП разворачивают свою работу. Организация переводов и улучшение их качества должны занять важнейшее место в творческой работе этих комитетов.

Альманах «Дружба народов» обязан стать практической школой социалистической культуры переводов литературы народов СССР.

Кадры переводчиков с языков братских республик уже формируются, многие из работ в этой области очень хороши. Надо стремиться к тому, чтобы культура советского перевода достигла той мастерства, которое позволит ей передать все художественное богатство социалистического содержания и национальной формы литературы народов Советского Союза.

Шолом-Алейхем

И. ДОБРУШИН

Шолом-Алейхем, великий художник слова, писал в своем завещании: «Наилучший памятник для меня — это если мои произведения будут читаться. То же он высказывает своим друзьям: пусть в день поминков над его могилкой «прочтут какой-нибудь из его рассказов, какой-нибудь из самых веселых».

Полинно народное произведение с каждым разом молодеет, звучит как только что создано. То же самое происходит и с произведениями Шолом-Алейхема. Читая их, слушая можно бесчисленное количество раз, и каждый раз открываются все новые мысли, краски, новые переживания слов и идей.

Сталь и язык Шолом-Алейхема уходят в ритмичный словесный строй и разговорную речь народных масс. Его речь насыщена всеми элементами наглядной мимики, поясняющей жесты и движения. Творчество Шолом-Алейхема отражает огромную работу писателя над словесной инструментальной, над ироничной монологах и диалогом.

«К чему нужны романы, если сама жизнь — роман?» Таким выразительным эпиграфом снабдил Шолом-Алейхем свою «книжку книг» — автобиографический роман «С армарки». Творчество Шолом-Алейхема — действительно сама жизнь. Каждое его произведение переступает границу, отделяющую жизнь от литературы, и поэтому незнакомые Шолом-Алейхему люди собирали для него рассказы о разных путешествиях, ибо каждый из этих «сообщателей» видел и узнавал в его типах себя; каждый из них слышал в монологах писателя свои собственные слова, ронял слезы и, просветленный, смеялся над самим собой.

Известно, что Шолом-Алейхем любил прибегать к эпистолярной форме. Ряд его произведений обретен в форму писем: «Менахем-Мендел», «Маршенбад». Письма органически вливаются и в другие его произведения. Причина лежит в том, что эпистолярный жанр позволяет сохранить монологическую форму речи и обращен притом к собеседнику — два излюбленных приема литературного стиля писателя. Эпистолярное мастерство Шолом-Алейхема выразилось не только в его литературных произведениях — романах и повестях, но и в его личной переписке с друзьями, с братьями по перу и читателями.

В дни юности следует отметить, что у нас, в Советском Союзе, мы воссоздали еще одного Шолом-Алейхема таким, как он рисует в своих письмах. Письма Шолом-Алейхема имеют огромное полноту художественное значение. Особенно велика их познавательная ценность, ибо они представляют собой, в сущности, писательский дневник, в который Шолом-Алейхем заносил высказывания, пояснявшие его собственное творчество, в них он излагал и свои художественные взгляды и требования. Это писание многокрасочный пучок лучей, освещающий весь огромный путь народного писателя. Сочиняя письма, сотни изумительных жемчужин, оверлатов могучим юмором, отвечают и перебиваются высокохудожественной игрой мысли и слов писателя.

Мне как-то довелось познакомиться со своеобразной почтовой открыткой, которую Шолом-Алейхем прислал одной женщине в местечко. Зная Шолом-Алейхема, она обратилась к писателю с просьбой разуть про двух жителей местечка, уехавших в Киев и пропавших с тех пор бесследно.

Они, ответил Шолом-Алейхем, приехали по железной дороге в Киев. Как раз в этот момент на вокзале происходила обстановка: полиция искала «не имеющих права жительства» евреев. Приобретая право со страха забылась в вокзальную парикмахерскую, надеясь там скрыться. Ничего не подозревавший парикмахер усадил их в кресло, постриг, а заодно отхватил им и борзды — их длинные, благообразные борзды. Перепуганные евреи болят даже голову промывать или востражать. Одним словом, — заканчивает Шолом-Алейхем сочиненную им историю, — теперь эти евреи обживают где-то на Полосе, выжидают, пока у них отпустит борзды — в таком виде им ведь нельзя вернуться в благочестивое местечко.

Эта история представляет собой законченную новеллу, являющуюся на почтовой открытке. В каких-нибудь тридцати строчках Шолом-Алейхем с присутствием ему мастерством воссоздал местечковых людей, обрисовал их злоключения, набросал художественно-выразительную картинку в касридовском духе. Новелла поражает своим законченностью, можно сказать, мемической наглядностью: так можно только устно рассказывать, а не писать.

Шолом-Алейхем потому и был великим народным писателем-реалистом, что доверял народному стилю. Он представлял говорить самому Тевье-молочнику, высказываясь на своем языке, в своей манере, доверяя народному характеру, народному опыту, его протесту против собственнической действительности, глубокому гуманизму, который народные массы таили в себе.

Шолом-Алейхем, великий художник слова, писал в своем завещании: «Наилучший памятник для меня — это если мои произведения будут читаться. То же он высказывает своим друзьям: пусть в день поминков над его могилкой «прочтут какой-нибудь из его рассказов, какой-нибудь из самых веселых».

Полинно народное произведение с каждым разом молодеет, звучит как только что создано. То же самое происходит и с произведениями Шолом-Алейхема. Читая их, слушая можно бесчисленное количество раз, и каждый раз открываются все новые мысли, краски, новые переживания слов и идей.

Сталь и язык Шолом-Алейхема уходят в ритмичный словесный строй и разговорную речь народных масс. Его речь насыщена всеми элементами наглядной мимики, поясняющей жесты и движения. Творчество Шолом-Алейхема отражает огромную работу писателя над словесной инструментальной, над ироничной монологах и диалогом.

«К чему нужны романы, если сама жизнь — роман?» Таким выразительным эпиграфом снабдил Шолом-Алейхем свою «книжку книг» — автобиографический роман «С армарки». Творчество Шолом-Алейхема — действительно сама жизнь. Каждое его произведение переступает границу, отделяющую жизнь от литературы, и поэтому незнакомые Шолом-Алейхему люди собирали для него рассказы о разных путешествиях, ибо каждый из этих «сообщателей» видел и узнавал в его типах себя; каждый из них слышал в монологах писателя свои собственные слова, ронял слезы и, просветленный, смеялся над самим собой.

Известно, что Шолом-Алейхем любил прибегать к эпистолярной форме. Ряд его произведений обретен в форму писем: «Менахем-Мендел», «Маршенбад». Письма органически вливаются и в другие его произведения. Причина лежит в том, что эпистолярный жанр позволяет сохранить монологическую форму речи и обращен притом к собеседнику — два излюбленных приема литературного стиля писателя. Эпистолярное мастерство Шолом-Алейхема выразилось не только в его литературных произведениях — романах и повестях, но и в его личной переписке с друзьями, с братьями по перу и читателями.

В дни юности следует отметить, что у нас, в Советском Союзе, мы воссоздали еще одного Шолом-Алейхема таким, как он рисует в своих письмах. Письма Шолом-Алейхема имеют огромное полноту художественное значение. Особенно велика их познавательная ценность, ибо они представляют собой, в сущности, писательский дневник, в который Шолом-Алейхем заносил высказывания, пояснявшие его собственное творчество, в них он излагал и свои художественные взгляды и требования. Это писание многокрасочный пучок лучей, освещающий весь огромный путь народного писателя. Сочиняя письма, сотни изумительных жемчужин, оверлатов могучим юмором, отвечают и перебиваются высокохудожественной игрой мысли и слов писателя.

Мне как-то довелось познакомиться со своеобразной почтовой открыткой, которую Шолом-Алейхем прислал одной женщине в местечко. Зная Шолом-Алейхема, она обратилась к писателю с просьбой разуть про двух жителей местечка, уехавших в Киев и пропавших с тех пор бесследно.

Они, ответил Шолом-Алейхем, приехали по железной дороге в Киев. Как раз в этот момент на вокзале происходила обстановка: полиция искала «не имеющих права жительства» евреев. Приобретая право со страха забылась в вокзальную парикмахерскую, надеясь там скрыться. Ничего не подозревавший парикмахер усадил их в кресло, постриг, а заодно отхватил им и борзды — их длинные, благообразные борзды. Перепуганные евреи болят даже голову промывать или востражать. Одним словом, — заканчивает Шолом-Алейхем сочиненную им историю, — теперь эти евреи обживают где-то на Полосе, выжидают, пока у них отпустит борзды — в таком виде им ведь нельзя вернуться в благочестивое местечко.

Эта история представляет собой законченную новеллу, являющуюся на почтовой открытке. В каких-нибудь тридцати строчках Шолом-Алейхем с присутствием ему мастерством воссоздал местечковых людей, обрисовал их злоключения, набросал художественно-выразительную картинку в касридовском духе. Новелла поражает своим законченностью, можно сказать, мемической наглядностью: так можно только устно рассказывать, а не писать.

Шолом-Алейхем потому и был великим народным писателем-реалистом, что доверял народному стилю. Он представлял говорить самому Тевье-молочнику, высказываясь на своем языке, в своей манере, доверяя народному характеру, народному опыту, его протесту против собственнической действительности, глубокому гуманизму, который народные массы таили в себе.

Шолом-Алейхем потому и был великим народным писателем-реалистом, что доверял народному стилю. Он представлял говорить самому Тевье-молочнику, высказываясь на своем языке, в своей манере, доверяя народному характеру, народному опыту, его протесту против собственнической действительности, глубокому гуманизму, который народные массы таили в себе.

Шолом-Алейхем потому и был великим народным писателем-реалистом, что доверял народному стилю. Он представлял говорить самому Тевье-молочнику, высказываясь на своем языке, в своей манере, доверяя народному характеру, народному опыту, его протесту против собственнической действительности, глубокому гуманизму, который народные массы таили в себе.

Шолом-Алейхем.

Рисунок М. Горшманна.

Л. КВИТКО

Заколдованный портняжка, или волшебная коза

(По мотивам Шолом-Алейхема)

Эй, Годл-муженек, ну-ка, марш в Оце-кляз!
Две трешинки мне наскрести удалось!
Заветные денюжки — козы!
Купи нам козу и Оце-клязу,
Годл — Гидла — Геленди!

Ребята мои с голодухи орут,
Того и гляди с голодухи помрут.
Коза — это клад, говорю я,
Мы с ней заживем не горюя!

И Годл оставляет уют на скямью,
Берег свою шапку и палку свою
И шествует к козьему рынку...
Козу покупает — картинку!

Идет он с козой, — гляди, в сторонке
Корчма.
Коза на корчму так и лезет сама,
Ну что ты поделаешь с нею,
Ну как удержишь еврея!

Коза остается у самых дверей,
За стойкой прурет веселый еврей:
— Коза, не хвлясь говорю я,
Заводи! Наливай-ка, вторую!

Коза — это клад, это умяная тварь...
Наливай заводчику третью, шинкарь!
Шинкарь между тем не зевает —
Козу он козлом заменяет.

Вот вышел наш Годл, как увидел козла:
— Ой, чудо, — кричит, — ой, коза пол-
росла.

Смотрите, какие рога-то!
Теперь заживу я богато!
Козу привязал к посылку и ай-да:
— Да что ж ты, — кричит, — заспе-
шил? Куда?

Чего ты, разбойника, гонимый,
Ведь ты меня злал уронимый!
Ну так вот и есть — на земле я лежу!
Постой, погоди, дай окрест погляжу!
Э-э-э, голос как будто бы слышу:
Годл — Гидла — Геленди!

Ну, фрау-мадам, что же ты, выходи!
Ораву свою на крыльцо выводи,
Таша и подольник и крынку,
Не зря я шатаюсь по рынку!

— Ой, горе мое, — заволпила жена,
Да где ты увидел козу, сатана?
Ну что ты наделал, разиня,
Ведь это ж козел, образина!

Ой, детушки, плачьте, обжоры, — на-
вряд!
Выдать вам голодная смерть предостит.
А ты, хоть до полночи шайся,
Домой без козы не являйся!

И Годл возвращается в ту же корчму,
Шинкарь удивляется:
— Что? Почему?
Ни в чем я, голубчик, не грешен,
Тут, видно, нечистый замешан!
Эй, баба-жена, слушай речи мои,

Подольник возьми, да козу подои!
...Ну, пробуй, смотри — ведь доитса?
В глазах у тебя не двонитса?
Годл — Гидла — Геленди!

Годл смотрит на пенный поток молока,
Он узкие палки приподнял слегка,
Ему и незлово, и стыдно:
— Да, что-то напугал я, видно!

Коза — это клад, это умяная тварь!
И, выпив вина трюкратно,
Бедняк поспешает обратно.
— Луна, ты же в стельку пьяна-распья-
на!

А как тебе коза-то тинут, луна!
А хочешь тебе для потехи
Я вспылю жене на ореха?
Ну, женушка, что ж ты, — вставай, вы-
ходи,

Обидела божию тварь-то, гляди!
Ох, будь я козой хоть мгновенье!
Приси у козы извиняйся!

Жена и не думает с ним говорить,
Выносит подольник, садится доить.
И валится влугу у порога,
И гibelи просит у бога.

Тогда перепуганный на-смерть еврей
Уводит козу и себя поскорей
И по полю долго блуждает
И снова в корчму забредает.

Шинкарь протирает спростоня глаза:
— Ну, братец, давай тебе эта коза,
Попуска должно быть нестакан...
Жена, поди ее в хате!

И женщина в хату козу привела,
Коза, как и прежде, доитса.
А Годл и вздохнуть-то боится.
Годл — Гидла — Геленди!

И, выпивши наскоро чару вина,
Он весело мичит к жене. А жена,
Как только козла увидала,
Завыла впритч, зарыдала.

И подняв свой голос еврей и сказал:
— Всевышний, за что ты меня наказал?
Ответствуй, неправедный боже,
Козел иль коза это все же?

Но тут причитать перестала жена:
— Ты, Годл, не кошуствуй, — сказала
она,
Мы ждали с тобой облегченья,
А вышло, как видишь, мученья.

Ну что ж теперь делать? Поляем-ка до-
мой!
Семь ртов у нас есть, Это будет вось-
мой.

Такой уж удел нам достался!
...Так с ними козел и остался.
Годл — Гидла — Геленди!

Перевод ЕЛЕНЬ БЛАГИНИНОЙ.

К моей биографии

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

Милый товарищ и дорогой друг Рав-
ничкий!
Вы просите, чтобы я дал хоть какие-
нибудь сведения из своей биографии? Я
очень боюсь — не лишняя ли, вообще,
весь моя биография? Не слишком ли ра-
но?.. Это — во-первых.
Во-вторых, я не прочь сам написать
историю моей жизни — целую даже кни-
гу.

В-третьих, я теперь — не про вас
будь сказано — сильно занят одним де-
лом, а именно — литературой. За всю
свою писательскую деятельность я нико-
гда не работал так продуктивно и не был
никогда так плодотворен, как теперь. Хоро-
шо ли, плохо ли — не пишу я много.
Вы ведь знаете, что я способен пи-
сать, хотя бы меня поместили на конце
иглы или на острие меча!.. Жаль народ пе-
реживает пасмурные дни, нет желания
смеяться, а когда не до смеха, то он
звучит сквозь слезы...

Переписка с нашими богатеями тоже за-
бирает у меня кучу времени. И все же
я оторвал для вас целый час (разбо-
жик!) — и вот немного сведений. Мож-
ет быть они вам пригодятся для вашей
работы? И пусть вам поможет бог!
Преданный вам товарищ
— Шолом-Алейхем.

...В маленьком местечке Воронеж вели-
чайшей в каплю воды, неподалеку от го-
рода Переславля (где я родился в 1859
году) провел я самые лучшие и золотые
мои годы, первые лучшие и хорошие де-
тские годы.

С самого детства я отличался богатой
и пламенной фантазией. Домашки пред-
ставлялись мне городами, дворы — стра-
нами, деревья — людьми, девочки — па-
рвенями, молодые богатые франты —
принцами, зеленая трава — бесчисленным
воинском, колочки и крапива — аломита-
ми, моавитями, филистимлянами, и я шел
на них войной.

Помечать все смешное в каждой вещи
или в каждом человеке — это было у
меня почти болезнью. Я, сам того не же-
лая, всех переиздевался: учителя реф Зо-
река и его жену, всех своих товарищей,
их отцов и матерей — вплоть до пьяни-
х Бору-Береда и сторожа Олиски с кри-
выми ногами; и за это подражание мне
попадали со всех сторон столько пощечи-
н, как если бы я был не человеком, а бес-
чувственным деревом.

В хедере я имел репутацию большого
«комка». Все гомерически смеялся, кро-
ме меня самого... Но дома моя мать, об-
гаружив мои выходы, энергичными ме-
рами принялась искоренять из меня эту
скверную привычку.

Один только человек мог сравниться со
мною в этом искусстве подражания, со-
единенном со всякими «превращениями»,
«игрой», «тримировкой» и еще с обнов-
ленным исполнением чудесных песенок. То
был сынок нашего раввина Меерла или
иначе — Меерла из Медведки, впослед-
ствии знаменитый певец Медведки. Великое
искусство «игры» было ему ведомо еще
тогда, когда он бегал босиком и пел свои
красивые песенки за грош или за пол-я-
блока.

Мы влозем — я и Меерла-Медведки —
представляли «Разбойников» — театраль-
ную пьесу нашего собственного и фан-
тастического творчества. Он играл «раз-
бойника», а я — бедняка-еврея. Осталь-
ные товарищи в качестве статистов изо-
бражали «деревья» в лесу. Я, еврей-бед-
няк, стоял перед ним, разбойником, на
колених и умоляющим голосом произносил
— «Что ты хочешь от меня? Я несчаст-
ный бедный еврей! Сжалось над моими
несчастными женой и детьми!..» А он,
разбойник (Медведки), с кухонным ножом
в руке, пел очень красивую песенку, в
которой говорил, что он должен, обя-
зательно дожить, вырезать всех евреев!..

Воспитаны, однако чувство милосердия и плохо
живому было так велико, что я сам себя
чувствовал большим, когда видел боль-
ную лошадь («Мафусаила»), собаку с пе-
редоманной ногой вываливавшую у меня
слова («Рабчик») и даже кошка, к которой
все брезгливо относился, была мне мила
и дорога. А о больных и бедных детах
не приходило и говорить («Создание»).

Страсть к литературе — как это ни
удивительно! — началась у меня с кра-
сивого почерка, которому обучил меня
учитель реф Зорек.

Публикуемые нами отрывки из автобио-
графии Шолом-Алейхема впервые переве-
дены на русский язык.

За каждую красиво написанную вещь
отец давал один грош (первый мой «го-
норар»). И для этой цели я шил себе
тетрадь и переписал в «запас» — целую
отрывки из религиозных трактатов и
древнееврейской грамматики. Когда я по-
казал это отцу, он пришел в восхищение
от моего «произведения», очень долго по-
сил его у себя в кармане, показывая
всем, как сын его прекрасно пишет (то-
гда от роду мне было лет десять), как
он отлично разбирается в религиозных со-
чинениях и как хорошо знает грамматику.
Наш сосед, благочестивый еврей с колпа-
ной бородакой — реф Айзик, который, когда
молился, визжал, как кошка, — сказал
насмешливо: «Все это чепуха и ерунда...
Весь секрет в почерке. А почерк у него
золото!» (первая «критика»...).

Тянуло меня всегда в царство мечта-
ний, красивых снов и песен («После Ло-
дей»), пры («Степеню») — в после-
днее религиозное совершенствования я
очень пристрастился к скрипке, по полу-
чил за это взбучку от отца («На скрип-
ке»).

Обеднев, мои родители переехали из
Воронки обратно в Переславля. Там нам
впервые спали мошные длиннополые коф-
таны с разрезом позадку. Когда мать уше-
ла (от холеры), отец нас отдал в шко-
лу, и я начал выделяться среди других
детей своими способностями. Первая про-
читанная мною в 15 лет книга была «Ро-
бинзон Крузо». Я не поленился и сам на-
писал своего «Робинзона» под названием
«Еврейский Робинзон Крузо». Свое про-
изведение я показал отцу, отец показал
его гостям (у нас был заезжий двор), —
и все пришли в восторг!..

С того времени отец стал смотреть на
меня как на поющего больше надежды
сына, освободил меня от злой опеки моего
мачехи, не позволял ей превращать меня
в вышку ее маленьких детей, заставляя
только излом вина (у нас был выш-
ный погребок под наименованием «Южный
берег»), запретил мне чистить сапоги по-
стоялым, ставить самовары, быть на по-
бегушках и вообще выполнять работы, ко-
торые являлись для меня.

В период моей жизни от себянапятиле-
того возраста до авалити одного года, ко-
гда я являлся серьезно за учение, наме-
ревался сделаться раввином, читал я мно-
го и запою, но еще больше — писал.
Писал я все то, что читал: песни, поэмы,
романы, бесчисленные драмы и вообще
любые вещи — без всякой цели. Свои
«произведения» посылал во все существо-
вавшие еврейские и русские реликвии (со-
чинял и на древнееврейском и на русско-
м языках) — и реликвии — благода-
ренье богу! — имели чем топить свои
плечи...

Только один «Гамелиц» напечатал два
три моих произведения с редакционным
примечанием мелким шрифтом: «Язык у
тебя очень недурной. Посылай свои ве-
личия, и мы их тутшим в хол».

И я принялся писать эти величия на
древнееврейском языке пелыми пудами, пелыми
нагонами, но никто не захотел их
«посылать в хол», а почему — меня об
этом не ставили в известность!..

В то время (в 1883 году) появилась
первая еврейская газета, первая газета на
разговорном еврейском языке («Фолькс-
blatt» — Александра Цербербаума), и так
как русские издания отказывались печатать
мои «романы» и «драмы», а «вещицы» на
древнееврейском языке продолжали лежать
без малейшего движения, то я попытался
на разговорном народном языке, на языке
Менделя Мойхер-Сфорим, произведения
которого тогда попали мне в руки. И, пред-
ставляя себе, что было со мною, когда
ее приняла газета «Фольксblatt», и сам ре-
дактор Цербербаум написал мне собствен-
ноу письмо, просил меня (вы себе
представляете? Просил!) написать еще.

С тех пор я стал помещать фельетоны
в «Фольксblatt», и чем больше я посылал,
тем чаще мне писали, чтобы я еще больше
их присылал. В этому требованию
присоединился Мордохай Спектор, старый
сотрудник «Фольксblatt»: он неустанно то-
рошился меня и подогревал, чтобы я не пер-
еставлял писать.

Все же это было для меня в то время
не больше, чем литературной забавой, по-
ка не случилась история с рассказом «Ю-
жик», который произвел полный перево-
рот в моем творчестве, а также во всей
моей жизни.

Моя «болезнь» (писательская работа)
так далеко зашла, что я принадлежал уже
не самому себе, не своей семье, а на-
шей литературе и той огромной семье, ко-
торая называется читающим народом.
Киев, год от сотворения мира 5664.
Перевел Вен. ЦУКЕРНИК

Неопубликованные письма Шолом-Алейхема

1. .... 1903 г.

С праздником, Спектор, чорт бы тебя
побрал. Белье 6 ты знал, какой подарок
тебе послылаю, — ты его совсем не
стоишь! Новый роман — а ла «Отемен-
но». Он гораздо короче, разбит на все-
младшие главы, разбит на все-
младшие главы под названием: «Момше-
вор». Может быть, я еще в
субботу вышлю тебе первые восемь глав.
Не беспокойся, Глянься священной мапой.
Не беспокойся закончен и находится у пе-
щачника. Во вторых я высылаю тебе
остальные десять глав, и у тебя уже будет
материал, с божьей помощью, до самой
тренины. Я должен сознаться, что чувствую
себя, как вновь родинившийся, с совершенно
новыми силами. Я могу почти сказать,
что я только начинаю писать. До сих пор
я хурачился, как мальчишка. И только
боюсь, как бы не кончились мои годы. И
переломил столько мыслями и картинка-
ми, что я крепче железа, если не разны-
ваюсь. И горе мне, я должен бегать и
искать рублеву! Да спорит бижал! Да
спорит рублеву! Да спорит еврей на огне,
если еврейский писатель не может жить
одним своим писанием и должен бегать
в поисках рубля! Те, которые знают и
видят меня каждый день, спрашивают:
куда я пишу? Правы, я и сам не знаю,

когда! Вот так уж я пишу: на ходу, на
бегу, сидя в чужом кабинете, в трамвае,
и именно тогда, когда мне дурит голову
про лес, про неврыблуденный лес, про за-
мечательное именованье, про заволки, — имен-
но тогда вырастают у меня самые краси-
вые картины, складываются лучшие мысли.
И не можешь оторваться ни на одну минуту,
ни на одну секунду, чтоб все это записать
на бумаге, — да спорят все дела. Да спорит
весь мир! А тут приходит жена и го-
ворит: о плате за квартиру, о деньгах за
правоуачение в гимназии. А мясник —
жентльмен, он жлет. А заводчик — мерзав-
ец, не хочет дать в долг. А адвокат угро-
жает отсудить стельку (шурк) он не знает,
что они уже давно описаны). А тут устра-
ивается бал и я толжен им читать. Вы-
бирают нового казенного раввина — тоже
я виноват. А маленький мальчик говорит:
«пала, денги!» — он хочет купить себе
пудучую вещь — наверное, лошадку. Как
ему не дать? А тут с одной стороны кри-
чит Спектор: «Гвалт! Материал!» — «Дер
Фрайнд!» («Друг») шлет телеграмму за
телеграммой: — Материал! — А Америка
посылает гонимый вперед, нельзя же быть
сильным и нужно тула тоже послать. А
«Восток» ведь тоже не собака. А в изде-
вательство Мавелма Гурьего уж наверное
необходимо. Ша — звонят! Поздравляю —
либо кредитор со счетов, либо мажор с

планом именованья. Горите вы все на огне, и
ты, Спектор, тоже вместе со всеми. Потому
что... почему ты мне так редко и так
мало пишешь?
Твой Шолом-Алейхем.
2. К МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМ.
Италия.
Нерки, 10 января 1909 г.
Большое спасибо вам, дадутка, за ваш
подарок и ваше письмо. Я позволил себе
прочитывать некоторым своим друзь-
ям ваши слова о пирожке, о тушеном мясе
и стаканчике вина. Я помню, что вы при-
держиваетесь русского нового года, посто-
менно желаю вам много счастья в новом 1909
году от своего имени и от имени всей моей
колонии. Эту неделю у нас стояла зима,
грозил гром и сверкала молния. Я слез
на целую неделю и разрешится двойней —
два новеньких рассказа одним духом,
и чувствую себя беременным еще несколь-
кими десятками рассказов. Сохраняй бог,
я стал не про вас был сказано, как
клубка, когда раскудачается... где взять
силы? Счастье, что тут находится Берко-
вич. Я ему пишу, а он пишет. А дик-
товать — удовольствие. Это можно сделать

и будучи больным и лежа в постели. Пло-
хо только, что домашние не дают особен-
но разойтись. А доктор говорит, что ку-
шать позднее, чем кактовать всякие сказки.
Что вы скажете на это умишка? Так
будите же здоровы, пишите иногда пись-
мечко и доставите удовольствие вашему
больному-здоровому внуку.
Шолом-Алейхем.
3. ФРИШМАН.
Милые друзья и дорогие хозяева! Тыся-
чу раз прошу прощения. Я нахожусь тут,
у Спектора. Он привез в Петербург столько
новостей, что дай бог управиться до по-
следняга. К тому же его жена сказала
мне по секрету, что она готовит гребневые
вареники. Вы слышите? Гребневые!!!
Бороче, я остался тут обедать. И он про-
сит, Спектор, то есть, чтобы вы, Фришман,
то есть, потрудились прийти к Спектору,
то есть, он, Спектор, то есть, должен пере-
дать вам, Фришману, то есть, много но-
востей из реликвии: «Газман» («Время»),
то есть. Еще раз прошу прощения и же-
лаю приятного аппетита и всего хорошего
Аминь!
Шолом-Алейхем.
6 февраля, 2 часа 05 мин. 1905 г.

Рисунок художника Г. Ингера к роману Шолом-Алейхема «Степеню»

«Богдан Хмельницкий»

10 апреля в Малом театре состоялась премьера пьесы А. Корнейчука «Богдан Хмельницкий».

11 апреля драматург раскрывал газету и прочел две рецензии. Они настолько поучительны, что мы вынуждены их сослать.

жизнь, воспитанная неаутентичной школой.

Тов. Заславский писал:

«Отдельные сцены эффектно, вызывают волнение в зале. Зрители правду сказать историческую победу вместе с Хмельницким и его главными соратниками. Живописи казачьих кунтуш. Горят краски на богатом гетманском и полковничьем уборе. Однако всего этого недостаточно, чтобы передать глубинный внутренний смысл событий (подчеркнуто мной. — О. В.). Зрители приходят дополнять автора своим воображением. В сущности отсутствует народ» (подчеркнуто мной. — О. В.).

Тов. Бачелис писал:

«Пьеса А. Корнейчука — историческая драма крупного масштаба и плана. Она полна того осознанного исторического смысла, о котором как непреходящем условии исторической драмы писал Энгельс... «за внешней эффектностью других сцен уже чувствуется глубина, в людях прощупывается характер».

Далее оказывается, по рецензии Заславского, что в пьесе слабо представлен украинский народ и еще слабее русский.

Корнейчук на рецензии т. Заславского узнал также, что образ Богдана «неярвчателен, мелодраматичен, плосок. А в рецензии Бачелиса драматург прочел, что именно Богдан принадлежит к числу тех образов, в которых «уже чувствуется глубина, в людях прощупывается характер».

Посудите сами, каково было состояние драматурга, да и читателей, прочитавших в один день об одной и той же пьесе две столь разноречивых рецензии.

Нам скажут, что такое явление вполне закономерно. Ну, как, борьба мнений, дискуссия по творческому вопросу. И наши собеседники были бы правы, если бы мнение рецензентов... было аргументировано. Без творческой плодотворной дискуссии невозможно развитие искусства. Но какая может быть дискуссия там, где отсутствуют доказательства?

Тов. Бачелис пишет, например: «А. А. Яблоковна вписала старую Варвару в галерею созданных ею замечательных образов», «сочен тонко и темпераментно играет О. Е. Малышева Зосю». Речь идет о прекрасных актрисах. И так написать можно без всякого риска, даже не видя пьесу.

Чему может научить такая критика?

Получив в один и тот же день столь разную оценку на сахарина и уксуса, автор пьесы поступит правильно, если отнесется критически к обеим рецензиям.

Однако предстать себе положение драматурга начинающего, которого столь разноречивая критика может только дезориентировать.

Но вернемся к пьесе «Богдан Хмельницкий».

Александр Корнейчук создал героическую драму. Впервые на сцене московского театра показана история украинского народа, народа гордого, свободолюбивого.

Герои пьесы Корнейчука — Тур, Варвара, Кривонос — ярко очерченные характеры, сильные индивидуальности.

Народ — основной герой пьесы «Богдан Хмельницкий».

И здесь мы вынуждены защитить т. Заславского от одного из его оппонентов в лице... т. Заславского.

В своей рецензии автор ее утверждает, что в пьесе в сущности отсутствует народ. Но здесь т. Заславский номер один весьма безобразно полемизирует с самим собой, — с Заславским номер два. Ибо в той же рецензии написано, что основное в пьесе — «формирование сильных народных характеров», что «самого сильнее показаны легендарный Максим Кривонос. Именно в нем воплощена неукротимая стихия крестьянской войны». Как же так, т. Заславский?

Если Корнейчуку удалось создать сильные народные характеры, если сильнее всего воплощена стихия крестьянской войны, то, следовательно, Корнейчук написал пьесу о людях из народа.

Нет, мы согласны с Заславским номер два и глубоко убеждены, что он сумел развить точку зрения т. Заславского номер один.

Сила героической драмы «Богдан Хмельницкий» в том, что она воспекает народных рыцарей, людей огромной нравственной силы.

На военном совете у Богдана Хмельницкого сошлись Гыка говорит: «Выступать надо, но явное идет тридцать тысяч. То сила, рассудите. У них пушек много, рейтар, дружка, а у нас всего шесть тысяч». Тур перебивает: «У нас шесть тысяч и только один трус — сотник Тыква».

Вот народное представление о чести. И, право, эта реплика дороже, чем десятки иных сцен «из народной жизни».

Потрава сцена, когда Тур уговаривает Хмельницкого послать его на разведку. Чтобы спасти войско, необходимо иметь поляков на ложный след. Тур предлагает пойти кому-нибудь к полякам, слезая в плен и под пытками дать неверные показания, направив поляков по ложному следу. Тур уговаривает Хмельницкого позволить ему, старому казаку, совершить этот подвиг. Артист Зражевский прекрасно играет роль Тура. Его движение свободны и естественны, голос патетичен, но не мелодраматичен. Он трагичен, он трогателен.

Полушопотом Тур уговаривает Богдана Хмельницкого не соглашаться. Он предвидит страшную судьбу Тура. Ему, старому стурмовому воину, жаль старого казака. Тур просит прощения, он признается: «Не страшусь я огня и страданья. С радостью пойду в адские страдания, смерть, если хоть в малом помогу отечеству». Посудите сами, можно ли это характер, сильный, самобытный, можно ли эти героические движения души изображать словами тусклыми, будничными? Что это — романтика или реализм? Изображение действительности? Александр Корнейчуку удалось показать героические черты, близкие нам — людям социалистической эпохи.

Вот в чем современность исторической драмы «Богдан Хмельницкий».

В пьесе изображены один из самых драматических эпизодов истории украинского народа.

Богдан Хмельницкий, воин и патриот, борется за освобождение своей страны.

У Хмельницкого в тылу действуют изменники. Лизюгуб, умный честолюбец, человек, лишенный нравственных идеалов, решает продать Украину Польше.

«В театре, — писал Лессинг, — нам следует узнавать не то, что следует то или другой человек, но, что следует каждый человек с известным характером при известных данных условиях. Цель трагедии гораздо более философская, чем цель истории...»

Цель драмы «Богдан Хмельницкий» — философская. Мы видим, как человек с характером предателя действует «при известных данных условиях». Он изменает родине, он предает в любви.

Вот он посылает панну Зосю на преступление — она должна убить Хмельницкого. Лизюгуб судит ей прекрасную, счастливую жизнь. Он нежен, он вежлив, он заботлив. Уходит панна Зосия, и Лизюгуб говорит ей вслух: «Зубы, нежная панна, умрешь и ты сегодня». И он убивает Зосю, потому что так логика подлости, логика предательства.

Характер Лизюгуба замечательно показан в картине боя. Исчезла обычная сдер-

Жанность, воспитанная неаутентичной школой.

Лизюгуб уже не владеет собой. Ему кажется, что вот еще минута — и цель достигнута, погибнет Хмельницкий, и он, Лизюгуб, станет гетманом всей Украины.

Но Богдан не замечает предательства. Ему кажется, что Лизюгуб волнуется из-за судьбы самого Хмельницкого. Действие становится все драматичнее. Кажется, вот-вот победят поляки. Лизюгуб не выдерживает. Он кричит: «Летите, летите, кони, палестате!» А Хмельницкий подает, что Лизюгуб приветствует его войска.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ. Врежьте, слава (кладет ему руку на плечо), пошел. А ты болей Лизюгуб.

Это одно из лучших, одно из самых драматических мест в пьесе.

Можно ли подобные характеры изображать в духе бытовой драмы? Нет. И Корнейчук пошел по верному пути, создав романтически-природную драму, в которой все дано в крупном плане — и героизм и злодейство.

Так в свое время была написана его лучшая пьеса «Габель в эскадре».

Александр Корнейчук — представитель романтического направления в нашей драматургии. Он — человек с ярко выраженным творческой индивидуальностью. И пьесы его следуют критиковать, когда автор изменяет себе, своему дарованию.

Лессинг как-то сказал: «Если поэт хочет вызвать возмущение героическими чувствами, то не должен распорядиться ими расточительно».

Порой драматург расточительно распоряжается героическими чувствами своих персонажей. И именно поэтому он прибегает к риторическим пояснениям.

Вот победил войска Хмельницкого. Общее ликование, парод победы... Казак поднимает полковника Онанаса, повораживает лицом к полю сражения и говорит: Гляди, Онанасий, мы победили, слава, слава.

Нас волнует подвиг Варвары, убившей польского шпиона. Но мелодраматическая смерть Варвары — вставной эпизод в пьесе. Вспомним сцену ее гибели. По ходу пьесы все ясно: и то, что Варвара гибнет, спасая Хмельницкого, и то, что Лизюгуб — предатель. Но драматургу почему-то заставил Варвару перед смертью произнести высокопарную речь. Произносит речь и Хмельницкий.

Богдана в пьесе играть трудно. Он больше режиссер, чем воин. Таким его играет актер Ленин. Его поступок степенен, речь медленная. Он больше рассуждает, чем действует.

Автор не раскрыл всей сложности противоречий в характере Богдана Хмельницкого, человека, возмужавшего народное движение, но боявшегося силы народных страстей.

Итак, в пьесе есть недостатки и недостатки существенные.

Но мы видели зал во время спектакля. Зволнованные лица, горящие глаза, аплодисменты во время действия. Пьеса имеет успех и успех немалый.

Чем же объясняется успех «Богдана Хмельницкого»?

В нашей стране героическое вошло в повседневность, стало нормой поведения. Нужен новый театр героической драмы, театр, показывающий большие характеры, большие исторические события.

И зритель горячо приветствовал талантливо, хотя и неровно, написанную романтическую драму.

К сожалению, Малый театр не понял замысла драматурга. Романтический стиль драмы заменен внешней декоративностью, театральная буфатория. Очень много блестящих, драгоценных камней, но мало романтической поэзии.

Первая картина пьесы изображает вольную Сечь Запорожскую; в ней много юмора, движения, борьбы страстей.

В Малом театре первая картина показана в оперном стиле. И даже великодушная игра Игоря Ильинского не может нарушить торжественной скуки, царящей на сцене. Люди, одетые в буфаторские костюмы, по команде кричат и двигаются. Из одного естественного движения, из одного полного движения. И это Сечь Запорожская, вольница казаков! Малый театр утратил свой традиционный в постановке романтических пьес — провозгласил его потому, что в течение ряда лет развивалась бытовая психологическая драма.

НЕУДАВШИЙСЯ ДИСПУТ

Письмо из Ленинграда

На диспуте о критике, проведенном недавно в Доме писателя им. Маяковского, председательствовал Константин Федин. Открывая вечер, он произнес речь, вслужившую подлинную инициативу ленинградских литераторов, поставивших на обсуждение большую и интересную тему.

«Проведение такого диспута, — сказал К. Федин, — свидетельствует о заинтересованности писателей в состоянии советской критики. И вместе с тем наш вечер свидетельствует о желании писателя расширить диапазон своей работы, осмыслить роль литератора в советском обществе, утвердить себя сознательным деятелем литературы, искусства, т. е. выйти из рамок специалиста того или иного жанра, перестать быть только прозаиком, поэтом, новеллистом и даже только художником, и стать передовым общественным деятелем».

В чем главные широкие темы о критике?

От художественной литературы требуется дать обобщенное представление о нашей эпохе; она должна дать в частности образ всей мир чувств нового человека. Предлагаются ли подобные требования и к критике? Нет! Но почему такая несправедливость, почему отдельному участку литературы — литературной критике — не предъявлять требования: дать нам, читателям, обобщающее представление о советской художественной литературе?

Напомним двадцатилетний опыт революционного писателя-художника. Есть ли у нас оценка этого опыта? Нет! Создана новая художественная литература — это объективный факт. Литература развивается, живет. Сама молодость ее должна привлечь глаз исследователя, ценителя, как привлекает глаз путешественника новая земля. И вот у нас нет простого описания новой земли, первичного путешествия. Кто это должен сделать в литературе? Конечно же, критик.

Напомним о замечательном письме из колхоза «1 мая» в «Литературную газету», письмо, в котором читатель т. Горюхов просит объяснить о роли литературы и искусства в коммунистическом обществе. К. Федин продолжает:

Критика должна отвечать на все совокупность вопросов, рождающихся в молодом, жалком, неадекватном нашем обществе. От нее требуются именно обобщения, вывод из материала всего литературного опыта, большие ответы на большие вопросы.

В свое время литература частыми, настойчивыми, требовательными напоминаниями обратила внимание на необходимость конкретной критики. Надо признать, что за последние годы появилось очень много критических статей, посвященных отдельным литературным произведениям. Критики обратились к книгам. Но часто удивлялись монотонности отзывов о книгах; оценки шаблонны, суждения не вызывают внимания. — критики пишут один, как другой!

И снова напрашивается аналогия: от художника требуется прежде всего индивидуальная, особая статья в пьесе. Почему мы не должны требовать своей особой статьи от работы критиков? И еще напрашивается один вопрос: когда же накопленные материалы «конкретной критики» будут связаны в наглядное, поучительное целое?

Но надо помнить и о том, что работа критика трудна. Мы хотим, чтобы он делал открытия. А он обращает упрек к нам, писателям, и говорит: открытия в литературе делаются прежде всего писателями. Мы хотим, чтобы критик выступал с обобщениями. А он обращается к нам и говорит: мне не хватает материала для обобщений. Прав ли он?

Уверждать что-либо труднее, нежели отрицать. Для утверждения нужна не только вера, нужна смелость. Чтобы видеть перспективу, нужен не только глаз, нужно воображение. И если мы привыкли к критике в обобщениях, мы привыкаем к смелости и хотим, чтобы работа его фантазия. Пусть критика берет на себя труд и отыскивает в нем будущее. Другими словами: пусть критик работает, как писатель.

В этом и есть смысл диспута: мы хо-

тим общаться, а не обособлять один вид литературы от другого.

Флобер — этот «невысказанный слова», как однажды сказал о нем Горький, — болезненно ревниво оберегал свой генеральный мир от мелочной и беспринципной критики.

Действительно, отличные произведения прошлого могут показаться плохими отзывами своих современников. Но мы не только хотим отличаться от прошлого, мы на самом деле отличаемся от него. Наша критика должна участвовать в создании великой советской художественной литературы. Она должна выводить в нас, писателя, сосредоточенное внимание к своему труду, к своей мысли. Она должна вызывать в себе не боязнь, не пренебрежение, а непрестанный интерес всей литературы. Этого жд от всей души желаем.

У Константина Федина, приехавшего из Москвы, как и у ленинградских литераторов, пришедших в этот вечер в Дом писателя, были все основания ожидать от предлагающегося спора много интересного и нового. Программа диспута, начатая в пригласительных билетах, была обширна и остроумна, включала темы, одинаково волнующие и писателя и критика. И все же диспут не оправдал ожиданий, он прошел вяло и скучно.

С самого начала, от вступительного слова В. Каверина разговоры отошли далеко от намеченных тем. Многие товарищи с интересом выслушали мысли т. Каверина о современной литературе, эти высказывания давали материалы для других дискуссий, но никак не охватывали основных вопросов, которые должны были быть поставлены на диспуте о критике.

Что же касается других участников обсуждения, то, как заметил затем Ник. Чуковский, критики поспешили занять оборонительные позиции, а писатели весьма робко на них нападали. Среди нападавших (и нападавших наиболее энергично) был и Виктор Шкловский, который предложил выступить на диспуте как прозаик и драматург, представляющий отчет критикам... Но почти все товарищи забыли о программе диспута, преимущественно разославши литераторам, режиссерам, артистам.

Группу критиков на диспуте представляли Б. Балик, Л. Левин, А. Дымшиц и В. Кирпотин.

В своей речи т. Балик напомнил об огромной роли, которую играла русская критика в прошлом, находясь в авангарде борьбы за лучшие идеалы человечества.

— Теперь, — говорит т. Балик, — когда авангард человечества стала вся наша социалистическая страна, еще более высоко значение критики.

Соглашаясь, что одним из крупных недостатков критики является то, что она перестала заниматься обобщением процессов, происходящих в советской литературе, Л. Левин заявил о необходимости повысить теоретический уровень нашей критики. Недостатком критических статей Л. Левин считает и отсутствие в них пафоса утверждения, — критика не выделяет еще наиболее трудным жанром — положительной статьи.

На несправильном отношении к критике в литературной среде, в редакциях, в издательствах остановился В. Кирпотин и А. Дымшиц.

— Следует, — говорит т. Дымшиц, — прервать эту традицию, когда критики ругают, но дифференцируя ее работу, ругая огульно, всех сразу, даже не знакомых с работой осуждаемых товарищей, забывая, что советская критика создавала ряд значительных трудов и произведений.

Большинство участников диспута почему-то избегало называть имена писателей и критиков, книги и статьи, стараясь говорить поосторожнее, не высказывая ничего обидного, рискованного и... конкретного!

Было сказано много хороших слов, но слов весьма общих, пропущенных без страсти, уныло и скучно. И трудно было спорить с т. Кирпотиным, который, подымаясь на тумбочку, констатировал:

— Разговор не получается... На тумбочке дремлют, дремлют и в зале.

На заседании президиума ССП 29 марта 1939 г. в члены союза советских писателей было принято тридцать товарищей. На снимке (слева направо): товарищи И. Андронников, Т. Борисов, А. Савчук и Ю. Соболев.

КНИГА О САКСАГАНСКОМ

КНИГВ. (Наш корр.). В мае этого года исполняется 80-летие крупнейшего мастера сцены, народного артиста СССР А. К. Саксаганского. К этому времени в украинском издательстве «Мистецтво» выходит под редакцией академика А. Корнейчука книга статей и воспоминаний об Афанасии Карповиче Саксаганском.

В своем предисловии к книге А. Корнейчук пишет:

«...Надвывая эту книгу, мы знаем, что она далека и далеко не охватывает всего того, что дает возможность яркого творческого портрета гениального артиста. Но этот материал даст возможность будущим исследователям, а также молодым актерам в некоторой степени познать мастера с несколькими страницами творческой жизни великого артиста».

В книге собраны статьи и воспоминания народного артиста Союза ССР А. Остужева, народных артистов РСФСР М. Левина, Б. Горин-Горяинова, народных артистов УССР Г. Юры и М. Донца, заслуженных артистов И. Марьяненко, Л. Вяльсена, Б. Романчицкого, С. Петрусенко и др.

Поэт-орденоносец Максим Рыльский написал в своих воспоминаниях «О великом артисте».

«Когда-то я писал пьесу поэзия, или, как мне тогда казалось, поэму: «Зимовая трилогия». Черновики поэмы потерялись и жалко я о них довольно сожалел. Но некоторых страниц и строк действительно жаль. Припомню одно место: жаль создать образ юного героя, страстно охваченного, я написал такую строку: «Мари, сонце Саксаганський».

Это вышло: любовь, жизнь, искусство. Через всю мою сознательную жизнь проходила имя Афанасия Карповича Саксаганского, как символ радостного, умного, высокого искусства».

Выход в свет этой книги, составленной группой украинских и русских мастеров искусства, — еще один пример того большого внимания, которым окружен в наши дни замечательный мастер украинской сцены.

Ю. МАРТИЧ

ПЕРЕВОДЫ ГЕЙНЕ

8 апреля в Гослитиздате состоялась обещанная поэтов и литераторов, посвященное переводам Генриха Гейне.

Совещание это имело отнюдь не только академический интерес, оно ситуационно было о том, что о переводах Гейне не было сказано.

Недавно в Ленинграде Гослитиздатом издан первый том двадцатитомного собрания сочинений Генриха Гейне.

Том этот, по выражению Н. Вильямса, оставляет тяжелое впечатление. В нем встречаются такие, например, шедевры дурного вкуса:

Давно, давно ты позабыла,
Что сердце мое ты истомила.

— Нужно уныливать, — заявил В. Грив, — как мог такой серьезный исследователь западной литературы, как Берковский, подписаться под этим томом и качестве редактора.

Ничего лучшего не приходится ожидать от подготовленного к печати второго тома собрания сочинения Гейне, в котором помещены переводы Фромана, получившие на совещании единодушно отрицательную оценку.

Неудивительно, что после столь серьезных уроков и Гослитиздат стал испытывать некоторое чувство тревоги и вынужден на общественное обсуждение подготовленного к печати и заматрированное трехтомное собрание сочинения Гейне.

Авторы вошедших в это издание переводов — А. Мушинкова, М. Тарловская, Л. Пенжовский и В. Левик — прочитали некоторые из этих переводов. Прочитаны были также некоторые переводы Рухт и Фромана.

После чтения выступили вначале опытные комментаторы с переводами рецензенты — М. Столяр, В. Лундберг, В. Грив, Н. Вильям-Вильмонт, А. Яковлевич и Ю. Верховский.

Все они единодушно констатируют необходимость тщательного пересмотра трехтомника, доработки некоторой части вышедших в печать переводов и организации конкурсов на лучший перевод наиболее крупных произведений Гейне, его шедевров.

Не было существенных разногласий и в оценке качества отдельных переводов. По общему признанию, наиболее благоприятное впечатление оставляют переводы В. Левика, особенно лирика: в них найдена мелодия Гейне.

К числу недостатков переводов В. Левика, по мнению В. Грива, относится то, что он злоупотребляет некоторыми поэтическими штампами русской поэзии 80—90-х годов и нередко «разговорность» языка Гейне выражает бытовым жаргоном.

В отличие от В. Левика, Л. Пенжовскому лучше удается перевод политическую поэзию Гейне. Дефектом его переводов является то, что он нередко отбывает Гейне, выходящая из его стиля.

Несмотря на поэтические достоинства переводов М. Тарловской, по оценке рецензентов, они далеки от оригинала.

С. ИПОЛИТОВ

А. ЭРЛИХ

Город Шугаевск

1 На географической карте не найти такого города: Шугаевск. Тем не менее, это хорошо известный каждому из нас большой русский промышленный город, населенный бесчисленными знакомыми. Созданный творческим воображением писателя, город Шугаевск восстанавливает перед нами прошлое, молодость, историю борьбы с заочниками, дни февральской революции, созерцание и победу Октябрьской революции, тяготы гражданской войны.

Много народа живет в Шугаевске.

Переплыв населения города не может войти в нашу задачу. Мы просим читателя поверить нам, что в книге «Наступление» Вл. Бахметьева с одинаковой полнотой представлены все явны шугаевских жителей, сверху донизу. Город живой, bustling, охваченный страстными эпохи: город, меняющийся от года к году, как меняются все города страны.

Сердце его — огромный металлургический завод — бьется неустанно. Не только в глазах, непосредственно повязанных описанием заводской жизни, но только в рабочих домах и хатенках и в салоне помещицы Аристарховой-Шаховой, и на даче адвоката Ноланта, и в публе гетара-майора Саханова, и даже в доме Шугаевца, в сибирской ссылке, и всюду, куда ни попадут жители Шугаевска, ощущаешь дыхание этого завода, ведающе слышно биение этого могучего сердца.

В. Л. Бахметьев. «Наступление». Роман. Книга первая. Гос. изд-во художественной литературы. Москва, 1938.

2 Роман давно печатается в журнале «Красная новь» — частями, главами, отрывками. Случилось, автор умолк на много месяцев и потом снова показавшись читателю дальнейшие главы своей широкой задуманной истории. Эпизоды забывались, невозможно было уследить в отрывочном чтении за ходом событий, за формированием характеров, за мотивировкой конфликтов. Оли главы прочитывались с удивлением, казались яркими и темпераментными, другие разочаровывали медлительной и серой текучестью.

Теперь в Гослитиздате вышла, наконец, первая книга романа.

О жизни города Шугаевска, о жизни и борьбе его обитателей автор рассказывает и во втором, еще не выпущенном, томе. Но уже можно судить об общих замыслах Вл. Бахметьева, о широте и значительности творимого им произведения.

Вл. Бахметьев применяет в романе разнообразные формы и приемы повествования: тут и эпический, спокойный рассказ о событиях, тут и вставные новеллы, сканы с подчеркнутой, стилистической особенностью, со своеобразной речью, рожденной в глубоком сопереживании с фольклором, тут и бесхитростные дневники героя и документы с комментариями, и снова повествование Никиты Глогова, тонкая пометка, полновластного участника всех событий, ставшего писателем и «строителем» города Шугаевска.

Такое многообразие приемов не всегда помогает автору. Вставной рассказ Ефима Кочеткова, рабочего канатного цеха, под названием «Псалом царя Лавила, или марсельеза» — превосходный рассказ, органически слитый с романом: зато огромный раздел «Странник», более пологие на родину, но совершенно необходимые — про и утомительного исследования. Эти бесчис-

ленные странички лишь оттягивают роман. Явля Еваляева — замечательная женщина, истинная коммунистка, пока о ней рассказывает Никита Глогов. Но вот она сама начинает повествование в форме дневника — «Глазами Лени Еваляевой» — и Шугаевск сразу тускнеет и блекнет сама Явля Еваляева. Это тем более досадно, что дневник посвящен важнейшим событиям в городе Шугаевске — первым дням советской власти.

Юшка Кочетков — любитель пения. В давние, дореволюционные дни он был непримечательным участником всех хором: и на заводе, в пеху, и в кафедральном соборе, и в монастырской пещерке. Рассказ его о себе, о страсти своей — истинная поэзия: тут малым количеством слов достигается огромный эффект, воссоздается самый дух, самая атмосфера жизни рабочих в царские времена.

«Между прочим, сила в голосе не в силе, а в умении, — вот что исповедовал. Уменьше — это все, без умения и мастерства своего дела нет...» — говорит Кочетков.

О музыкальном мастерстве он говорит так образно, так поэтически, что в самых словах, кажется, зазвучат сию минуту превосходные мелодии: «Но и умения одного мало. Сочувствие надо. Чтобы каждое слово, да чтобы не зря, как у той, а е толком, по-человечески. Чтобы, братец ты мой, слово-то в звуке своем медом разлило...»

Достаточно сравнить эти строки с любой выдержкой из дневника Лени Еваляевой, чтобы установить всю неравноценность двух разных вставных кусков: глубинно и образно, поэтически, и поверхностно и бессильно другое.

«Шугаевск временно превращается в деревню во главе военно-промышленного отряда. Это удар по Глогову, так как имен-

но он, при известном его опыте в деревенской работе, должен был бы принять руководство отрядом. Правда, у Никиты в руках весь отдел просвещения, но ведь и Шугаевск покидает немалое дело».

Все безразлично в этих протокольных и тусклых записках. К счастью, и предсказатель Чекя Тит Шугаев, и зав. нароработы Никита Глогов, и сама Явля Еваляева снова оживают в следующем разделе книги, когда повествование возвращается в нормальное русло.

Бывает язык плавный, ровный, точный. Расположение слов подчинено ритму, который легко угадывается и безошибочно чувствуется.

Явля Вл. Бахметьева написана иным языком — не плавающим, но точность, ее легкость определяют его достоинства и качества.

Вот группа сыльных шугаевцев пробирается сквозь тайгу. Раз

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

С М Е Х

1930 г.

У него было темное прошлое. Он был первый ученик, и потому за пятачками отдала его от игр. Он не умел кататься на коньках, не играл на бильярде.

Он был такого маленького роста, что мог услышать только шум в нижней части живота своего соседа, пенки кипок, визг перевернутой пиццы. Пицца визжит, она не хочет, чтоб ее переворачивали.

Нападение тигра, пошлого бильярдом сукном, на бунгао.

Половые разногласия.

«Иногда мне снится, что я сын раввина».

На основе всесторонней и обоюдоострой склоки.

При расстановке основных сил на театре вы будете смеяться.

У вас туманные представления о браке Вас кто-то обманул.

Искусство на грани преступления.

Хозгос.

Что бы вы ни делали, вы делаете мою биографию.

Немцы вопили: «Ельки—пальки!»

Потенциальная галюка.

Снег падал тихо, как в ставане.

Теория потухающей склоки.

Старые анекдоты возвращаются.

Невинные на вид люди. Но при прикосновении к ним, преображаются, как при ударе электричеством.

За свидание со львами — парами пустыни...

Умалителен.

Носил все вещи с пломбами.

На почтатке оживление. «Дорогая тетя, с сегодняшнего дня я уже ленивец».

Пришли два индустриала и купили огромный кустарный ковш с славянской надписью: «Мы путь земле укажем новый, владыкой мира будет труд».

Боченочков.

Это была обыкновенная компания — дочь урядника, сын купца, племянник повника.

Он за советскую власть, а жалуется он просто потому, что ему не нравится вообще наша солнечная система.

Не красна изба углами.

А красна управделами.

И голова его стуча скатилась к ногам.

Лампа 1000 свечей. Счетчик срывается со стены и летает, как гроб, по комнатам.

Девочка с пальмочкой на голове.

Татуированные сотрудники.

Заскакивание. Бытовое загнивание.

Выигрши в 50.000 р. пал на гражданина нашего города Ивана Самойловича Федоренко (Виноградная, 17, кв. 5). Выигранный пожелал остаться неизвестным.

За что же меня лишать всего! Ведь я в детстве хотел быть вагоновозатом! Ах, зачем я пошел по линии частного капитала.

Собака так предана, что просто не веришь в то, что человек заслуживает такой любви.

В огромной статье (800 строк) человек беспрерывно утверждал: «Товарищ так-то отличается главным образом ласкучностью своего писма».

Почему он на ней женился, не понимаю. Она так некрасива, что на улице

Полностью записные книжки Ильи Ильфа, охватывающие промежуток времени с 1925 по 1934 г.г., будут напечатаны в № 4 «Московского альманаха».

оборачиваются. Вот и он обернулся. Дурает, что за чорт! Пошел ближе, а уже было поздно.

Побасенков.

Романс: «Это было в комиссии по чистке служащих».

«Юанн Грозный отменяется от своего сына». (Третьяковка).

Оказался сыном святого.

Невалкини, прыгалки, куклы-моргалки. Записи с писком.

Свежий, пароходный ветер. Пароходная комната.

Вы, владеющий тайной стиха.

Смешную фразу надо делить, хохля, ласково поглаживая по подмышкам.

Нашествие старых анекдотов.

Стойкое объяснение.

Клуб «Домосед».

Хвост, как сабля, выгнутый и твердый.

Ему не нужна была вечная иглолка для приуса. Он не собрался жить вечно.

Бончен, кончен день забав.

Стреляй, мой маленький зуав.

Наша жизнь — это арфа.

Две струны на арфе той.

На одной играет счастье.

Любовь играет на другой.

Четыре певички, четыре хороши одетых женщины пришли жаловаться. Речь: «У нас в посредстве при кваликации происходит колоссальная путаница».

Человечество делится на две части. Одна, меньшая, переходит дорогу при виде трамвая или автомобиля, другая — идет, чтобы экипажи прошли.

Откуда у русского человека фамилия Попугай?

Маленькие лужицы вздрагивают на мостовой.

С трупом из трех золотых сделали один — и получили за это бессрочные каторжные работы.

Женщина, при виде которой вспоминается обьявление: «Вид голого тела, покрытого волосами, производит отталкивающее впечатление».

Цинковый носик.

Сумасшедший, которому запретили иметь детей и у которого желание иметь детей стало манией.

Кегельбойм.

Часовая мастерская «Новое время».

Человек, с которым надо сидеть рядом и указывать ему, что хорошо, а что плохо, иначе он может перенутать.

Если человек говорит: «Мне нужно освежить в памяти сюжет», — это значит, что он ничего не читал.

Когда гиганты, размахивая зонтиками, ушли на прогулку, в их дом пробрался карлик.

Идите, идите, вы не в церкви, вас не обманут.

Золотая доска. И ошибка в надписи на ней.

Салат «Демисезон».

Выдвигженщина.

Меня тошнит от запаха чистой воли.

Шпиз, похожий на муфту.

Гей, ты моя Генриэтточка!

Фабрика военно-походных кроватей имени товарища Прокруста.

Стулья.

Начало. Белые суконные брюки в полосу. Эти брюки он прожег папирсой, и с этого начался рассказ о менцатке. Фарфоровая чашка, мор, костюмы, визит-

ные карточки, 3000, ложка в Большом театре. И позорный конец, левая живопись Вильбо. Арендная плата.

Черно-блестящий цвет.

Доктор Страсуян.

Атлетический нос.

В зоо-саду некоторые звери сумасшедшие.

Обвиняли его в том, что он ездил в баню на автомобиле. Он же доказывал, что уже 16 лет не был в бане.

Военно-полевые цветочки.

В окнах пейзажи. Написанные, они вызывали бы скуку.

Из душа повалил пар.

Нало показать ему какую-то бумагу, иначе он не поверит, что вы существуете.

Вы шкура! Этим я хотел определить место, которое вы занимаете среди полутора миллиардов людей на земле.

Кино приехало.

Кипятили свои мозоли.

У растолстевшей девушки бедра сделаны большими, как у извозчика змыой.

Медицинские весы для лиц, уважающих свое здоровье.

Не давите на мою психику.

Магазин дамского трикотажа. Мужчины сюда не ходят и дамы ведут себя совершенно, как обезьяны. Они обступили даму, примеряющую пальто, и жалко ее рассматривали.

Работницы на газоне работают в позе пишущего амура.

В учреждении вбежал человек с палкой и ударил кого-то по голове.

Даже не для собаки, а для кошки украшения.

Торговала, как испанцы с индейцами.

Станция Анадысь.

Толстый бильярдист приехал в Гагры, привел весь день в бильярдной, стуча шагами, а к вечеру уехал, заявив: — Я здесь не могу жить. Горы меня душат.

Ну, что—бабушка? Почему я должен ее уважать. Она меня даже не родила.

Внесметные и сверхсметные топы.

Узнавание Москвы в различных частях Ярославля. Очень приятное чувство.

С криком «не выдала ты подарка» бросали в воду разные предметы.

Гулкая зала суда. Реплики грохочут. Заседатель, у которого только один вопрос: «А вы с ним давно знакомы?»

У нас общественной работой считается то, за что не платят денег.

Как многие из малограмотных, он очень любил писать — просто он уважал те приборы, которыми пользовался, — чернильницу, пресс-папье и толстую сигарную ручку.

На острове Жилтоварищества.

Стуши усы грейкой. Любимое было удовольствие.

Один этаж надстроило одно учреждение, второй — другое. Причем оба между собой враждовали.

Липо, не истощенное умственными упражнениями.

Он вел горестную жизнь плута.

Вас я помню, а стихи забыл.

Хами, а потом посылал извинительные телеграммы.

Генерально обо французской ваксы.

Человечество чего-то боится. Оно зарывает в землю граммофонные пластинки, фильмы, тревожно старается напомнить, что оно жило, что была цивилизация.

«Самый могущественный чародей-материализм становится бессильным, лишь только его пациент начинает смеяться ему в лицо».

Энгельс. «Естественное в мире духов».

На очереди — задача завершения строительства бесклассового социалистического общества. Перед нами подъем от социализма к коммунизму. Крутизна этого подъема не столько в экономике, сколько в перестройке сознания участников перехода к коммунистическому воспитанию трудящихся. Поэтому решающее дело — предельное переутробление капитализма в сознании.

Духовное, идейное сопротивление капитализма — «самое глубокое и самое мощное» (Ленин). Это сопротивление более упорно, чем военное и экономическое. Оно не столь обаятельно. Оно выражается не в таких батальных и дисперсионных формах. Внешне оно носит более мирный, более спокойный и, кажется, даже более безопасный характер. Это сопротивление встает как традиция мертвых поколений, продолжающая тяготеть над мозгом живых.

Да и не одних мертвых. Мы находимся в капиталистическом окружении. Капиталистический мир оказывает отставкам разбитых капиталистических классов не только материальную поддержку. Влияние капиталистического мира действует на сознание человека социалистического общества, как поддержка традиций мертвых поколений, еще продолжающих давить на сознание.

Борьба коммунизма с капитализмом есть также борьба идеологии, новой и высшей, со старой, низшей, умирающей. Но эта умирающая низшая идеология привыкла, обжита. Сознание людей, своего рода, отстает от действительного их положения. Над сознанием продолжают тяготеть еще типы старых представлений, старых навыков, старых мыслей.

В сознании человека нашего времени прошлое борется с будущим. Прошлое имеет за собой самую страшную — гипнотическую силу привычек десятков миллионов.

Трудность роста нового сознания — это трудность пахоты по целине, это трудность прокладывания новых путей душевного развития человека. В сознании человека нашего времени еще много остатков старого. Они живут вместе с новым.

Ленин писал в статье «Лучше меньше, да лучше»: «в области чинопочитания, обаяния форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется ослепом да ядром самым захляпым рутинерством».

В нашей стране живет еще много людей, для которых новая идеология, новые подлинно человеческие отношения есть только форма мимикрии, приспособления. Разбитые в открытой борьбе, не принимавшие открытого боя, они опираются на новые либерализм, внешние его повторения.

На деле, в жизни, за коммунистической фразеологией часто скрывается совершенно другое содержание.

Есть рассказ Ильфа и Петрова «Шуры-барabanяны». Сотрудник «Дедкасы» боится увольнения, если снимут их начальника.

Перенатанные сотрудники решают «попытать» на начальника. Они пытаются «спастись» от идеологических патавней».

Что они говорят ему? «История безжалостно ломает всех несогласных с ней». «Не разлагаетесь под влиянием мешанского окружения». «Берегите свою партийную репутацию».

Узнав, что их опасения ни на чем не основаны и что их начальник беспартийный, сотрудники «Дедкасы» кончат свои «ортодоксальные» разговоры и переходят на еврейские анекдоты.

Но нет сомнения, что, оказавшись их начальником действительно коммунистом и будь хоть малейшая трещина в его служебном положении, все эти кабинетные уловки превратились бы в бурную и яростную публичную проработку, хотя ортодоксам «Дедкасы» было очень мало дела до того, действительно ли опорожена его партийная репутация.

В этом рассказе мимикрия, приспособленчество обаяние. В жизни все это гораздо менее открыто.

Но как много Собакевичей могли слезу-плывать на бдительность, опираясь именно на эту барabanяну, обаятельную своей стух в высокие слова. Не будь этого стухного полуга, Собакевичам гораздо труднее было бы делать свое вражье дело.

До революции шуры барabanяны ходили нагие, свободные, развиваясь. Горько опущена свое бессилие в борьбе с ними, Салтыков-Щедрин писал: «Мы летим илоду, выскокиваем и накладываем в шлоду шарханувшемся почти бессознательно, совершая как бы обряд... И в оправдание свое ссылается только на нашу полнотелость. Но это неправда. И у полнотелости есть выход — это стоять в стороне, не лезть, но и не «наклады-

вать», на петь лифидрамбов, но и не кричать влокуны: ату его! ату! И у полнотелости есть оружие: она имеет возможность презирать».

Остатки разбитых капиталистических классов в нашей стране не вступают в открытый бой. Тем изощренней они припроятся. Припроятся и остатки разрушенного мешанства. Их можно видеть даже в среде коммунистической партии.

Они внешне похожи на строителей социализма. Так соняк — он воетса овегт — похож на овец. С ним очень трудно бороться. Его семена трудно отделить от семян овса. Овегт более приспособлен. Скорее вырывает, чем овец, он оспысается, и обсеменяя, засоряет поля. Столь похожий на овец, овегт отличается тем, что не может быть кормом.

В борьбе с человеческим сорняком, в борьбе с носителями и защитниками старого, в перестройке сознания велика роль художественной литературы, велико значение инженеров человеческого духа. И особенно сильна сила смеха. Смех убивает старое, смех воспитывает новое.

Как часто товарищ Зощенко черпает из сокровищницы русской сатиры меткий образ для того, чтобы при помощи этих образов классической литературы бороться с сегодняшними врагами. В докладе о Конституции товарищ Сталин напомнил нам о бессмертном образе сатаньковского ретивого начальника, «который сам своим действиями в изумление был приведен».

Это место в докладе товарища Сталина столь широко известно, что нет нужды его цитировать. Гораздо менее известна использованная товарищем Сталиным скалка, и трудно удержаться от соблазна ее процитировать.

Тем более, что эта скалка и сейчас звучит беспощадно и правдивой сатирой на фашизм.

Салтыков-Щедрин нарисовал картину того, как некий начальник навел порядок и типично, спалил город и наугад народ. Сатирик рассказывает о том, как перенатанные обыватели попятываются, «одни убежили да мерзавцы, словно комары на ослинышке, стадами истрат. Так ведь с одними мерзавцами и каторгу устроить нельзя. И для каторги не обидны правды, и трудно удержаться от соблазна ее процитировать».

Салтыков-Щедрин продолжает сказку о начальнике: «Тогда он собрал «мерзавцев» и сказал им: «Пипните, мерзавцы, ланосы».

Обрадовались мерзавцы. Кому горе, а им радость. Кружатся, суетсяя, играют, с утра до вечера у них при горой. Пипнут доносцы, вредные проекты сочиняют, ходят-бегут от оздоровления... И все это, подуграммотное и вонючее, в кабинет я, в тогую значительную повед. Он читает и лезет в понизит. «Несколько по покам в барabanяны бить от сна обывателей внезапно пробуждают» — по почему? И необходимо обывателей от палнищей нищи воздежывать — но на какой прелмет? Необходимо Америку снова закрыть» — но, кажется, сие от меня не зависит? Слово сказать, начитался он по горло, а ни одной резолюции положит не мог».

Сатира Салтыкова-Щедрина, Гоголя хорошо служит идейной борьбе социализма с капитализмом. Условия, в которых находились сатирики до революции, были трудными. Салтыков-Щедрин, вынужденный эвонским языком говорить со своим читателем, часто приходил в отчаяние от трудности своей задачи. Горько ощущая свое одиночество, он писал в 1876 г. Анненкову: «Главное, утрачено вся охота к писанию. Просто думаешь, что вместо всякого писания самое лучшее — валывать в глаза. А тут еще слыши да всякую форму продумывая, расчитывая, что бы дураку было смешно, а сукну омы не совсем обидно».

Условия, в которых находится смех в странах фашизма, повторяют в еще более унизительных формах ту тягелую обстановку, в которой находился великий сатирик.

«Правда» сообщила 16 февраля о том, что Габельба запретил немцам смеяться. В заметке рассказано о том, что министр пропаганды Габельба распорядился исключить из так называемой имперской культурной палаты нескольких писателей и артистов.

«По этому поводу Габельба выступил с большой статьей, в которой полверг резкой критике артистов и конференция, выступивших на встрече с политическими остротами. Как видно из статьи Габельба, артистички особенно высмеивали фашистские «четырехлетний план», колониальные требования фашизма, лагеря «трудоовой повинности», «кампаинг зимней помощи» и многие другие «острые проблемы» фашизма». («Правда», 16/II 1939 г.).

Габельба закончил свою статью угрозой отправить всех остроток на западную границу отроить укрепления.

Только в условиях социалистического общества может свободно и радостно звучать смех человека. Но когда мы говорим радостный смех, то это не значит, что отри-

цается за нашим смехом гнев и ненависть: ирония, негодование, горечь и жалость. Не о смехе человека, лишеного каких бы то ни было чувств, кроме самодовольства и самоуспокоенности, идет речь. Так же, как оптимизм человека социалистического общества обусловленному прекрасным пишеварением и общим алорным состоянием организма, так и смех наш несет свести к эмоциям умления и самодовольства.

Поэтому надо вспомнить те разговоры о пессимизме, требовании обязательного включения положительных сторон деятельности в сатирическое произведение, которые очень долго возникали, например, в связи с произведением лучших наших советских сатириков — Зощенко и Ильфа и Петрова.

Во многих своих рассказах и повестях М. Зощенко вывуждал был возможность «...уничить автора в изжачении...» действительные стороны («Страшная ночь»). Это же повести Зощенко, писанной в 1925 г.

Но вот в 1937 г. Т. Зощенко упрелк Зощенко в том, что его новелла «...несла на себе отенок горького скепсиса. Традиционная ирония его новеллы обаяла не только лицо героя, но и лицо самого автора. Вручая обывателю оружие комического самообличения, он никогда не награждал ни себя, ни своего героя верой в нового человека, в наше великое будущее».

По поводу романов Ильфа и Петрова в той же статье выражается сожаление, что положительное в советской действительности «...не наделено красками настолько мощными и большими, чтобы смогло конкурировать с тем бесспорным сатирическим блеском, который придал в романах образам «последних моголан» волевого мещика» («Лит. современник», № 7).

Тов. Журбина считает, что Зощенко только в повести «Возвращенная молодость» «...решиительно выхолит из замкутого круга иронии». «...из замкнутых рамок пессимистической сатиры» («Октябрь», № 2, 1937 г.).

Все эти положения и замечания выражены очень изящно. Здесь нет грубого, прямого, названного требования, чтобы сатирик обязательно описывал отрицательное положительным. Но по существу это то же самое требование, которое раньше предъявлялось сатирику. По существу, это то же требование слоеного пирожка из положительного и отрицательного.

Об этом иронически писал Зощенко в 1929 г.: «...такая молодая критика может предъявить свои права. Позвольте, скажут, а чего, собственно, автор хотел оказать этим художественным произведением? Чего он хотел выжнать? И откуда, скажут, видеть развитие наших коммандных высот? Или, может, это чистое искусство для искусства? И может быть, — вообще автор нятик и сукны иронии» («Клад»).

Когда-то Гоголь приходилось удивляться, что никто не заметил того честного благородного лица, того положительного героя, который был в его пьесе «Ревизор».

Гоголь приходилось указывать, что этим честным благородным лицом был смех.

Вслед за Гоголем можно сказать, что и у Зощенко, и у Ильфа и Петрова был и есть прекрасный положительный герой. Этим героем является беспощадный, искриющийся и умный смех советского гражданина.

И совсем не надо тосковать по поводу того, что герои Ильфа и Петрова и М. Зощенко не переживают, не переживают, тываются. Не своих героев переиспытывает писатель, а читателя.

И не у сатирика горький скепсис, а у того критика, который боится, начитавшись сатирических произведений, потерять правильное отношение к советской действительности.

Упреки в пессимизме, стремление во что бы то ни стало разискать в сатире положительный мир, уравнивающий отрицательный, основаны на недоразумении, на непонимании характера сатиры как жанра.

С этим связано еще одно недоразумение, продолжающее жить. Установлены некоторые традиции, относящая герои и М. Зощенко, и Ильфа и Петрова к какому-то спелифическому миру. Так, Т. Сап считает Зощенко бытописателем городского мешанства. Эта часть населения («не является носителем основных исторических тенденций» («Лит. критик», № 3, 1938 г.). Естественно поэтому у удовлетворенных, о которых Т. Сап отчаивается, в последних работах Зощенко началось положительное изображение советской жизни.

Если толковать писателя-сатирика только как изображителя и бытописателя узкой, да еще вымирающей прослойки, совершенно естествен вывод о скептицизме и пессимизме писателя. Писатель, мол, замкнулся в узком кругу каких-то уродов и просто не видит реального богатства действительной жизни.

Для Т. Зощенко («Снамы» № 9, 1937 г.) Остап Бендер «звезда уголовного мира», «интеллектуальный и целеустремленный тип жулика».

У читателя статьи может возникнуть страшное сомнение. Да уж не ведомственная ли литература то, что писали Ильф и Петров? Может вспомниться рассказ Ильфа и Петрова «Когда уходит капитан». Рассказ о том, как привлекает писателей к художественному отображению сахароварения. Может быть, и сами Ильф и Петров тоже ослепли, приняв участие в совещании по художественному отображению работы уголовного розыска?

Вслед за критикой читатель может подумать, что, собственно, М. Зощенко пишет не о нем, что в «Золотом теленке» и «12 стульев» действуют только жулики.

Со всей решительностью хочется акцентировать то утверждение, что и Зощенко и Ильф и Петров писали о нас. Сам Зощенко неоднократно и недвусмысленно заявлял это.

«В каждом из нас имеются те или иные черты и мещанства, и собственника, и стяжателя. Я соединяю эти характерные, часто затухающиеся черты в одном герое...» («Возвращенная молодость»).

Не мелкие жулики, не экзотичные Зощенко и Ильфа и Петрова. Если бы это было так, законным было бы требование к писателю, чтобы он скорее заглял свой паноптикум печальных и переходил на изображение положительных героев.

Нет, герои наших сатириков живут среди нас. Черты их в той или иной мере мы можем найти в нас самих.

И борьба с этими чертами в сознании человека, разоблачение мещанства, собственничества, бюрократии,

1744 г.

Антиох Кантемир

195 лет назад, 11 апреля 1744 г. Умер первый русский сатирик Антиох Кантемир. В лице Кантемира, — писал Белинский, — русская поэзия обнаружила стремление к действительности, к жизни, как она есть, основана она была на верности натуре...

Вечер памяти Горького

В честь 71-й годовщины со дня рождения А. М. Горького, 10 апреля 1939 года, в большой аудитории Государственного политехнического музея был устроен литературный вечер памяти Горького...

После вступительного слова Вс. Иванова, открывшего вечер, с кратким докладом о творчестве Горького выступил В. Ермаков. Он говорил о Горьком, социалистическом гуманизме, создавшем нового героя русской литературы, смелого, дерзкого хозяина земли, сознающего, что все ценности мира созданы его трудовыми руками.

Д. Джермаметто, встречавшийся с Горьким в Италии, рассказывал, как итальянские рабочие читают и любят Горького. Недаром в Италии популярен рассказ о мальчике, сыне рыбака, который на вопрос учителя школы, кто самый известный итальянский писатель, ответил: Горький.

Лев Никулин прочел отрывок из своей книги «Янзль — есть ланье», описывающий посещение подмосковного дома Горького, в котором жил и работал писатель.

Корней Чуковский читал свои воспоминания о встрече с Горьким по неопубликованной еще рукописи: «Релин, Горький, Малковский по личным воспоминаниям». Он рассказывал о веселом, жизнерадостном Горьком, о Горьком-чутком, заботливом человеке.

Затем состоялся концерт: певец Батурин исполнил любимые Горьким фольклорные песни, артисты Попова, Лыгина и Шотников читали произведения Горького.

У драматургов

Творческое собрание драматургов вступило в работу в клубе писателей. Было посвящено обсуждению произведений С. Володина, Д. Далева и Ю. Данцигера.

Куплеты, песни и представления для цирка «Коломбина» Д. Далева и Ю. Данцигера вызвали много критических замечаний. Произведения «Коломбина» слишком длинно и не отличаются глубоким смыслом и поэтическим мастерством, куплеты слабы в литературном отношении, авторы их увлекаются мелкими и старыми бытовыми «сюжетиками», не стремясь насытить их новым, подлинно злободневным содержанием. Зато общее одобрение и дружные аплодисменты вызвали острейшие политические куплеты Д. Далева и Ю. Данцигера.

Новелла-скетч Д. Далева «Веселый ветер» написана, по мнению выступающих, неровно. Образ старого профессора-историка, возвратившегося в СССР после долгих лет жизни в Америке, отличается теплотой, объяснен, приятным вымыслом, в то же время образ его племянницы, по замыслу автора, жизнерадостной советской девушки, дан непереносимо резонерствующим и вызывает раздражение назидательными сентенциями и прописными истинами.

Значительно удачней оказалась одноактная комедия С. Володина «Варвар». Занимательный сюжет, неожиданные выходы, смешные положения, простота и законность языка делают комедию вполне достойной оценки. Приходится удивляться, что Московский театр миниатюр, судя по двум его программам, остро нуждается в репертуаре, отказавшись поставить эту пьесу. Повидимому в этом театре действительно не умеют или не хотят работать с советскими авторами эстрады, как это неоднократно подчеркивалось на собраниях в секции драматургов.

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ Н. ВИРТА

10 апреля на расширенном редакционном собрании журнала «Знамя» Н. Вирта рассказал о плане своего нового романа «Землепалачи» и прочитал несколько глав из него.

Роман по замыслу охватывает один из омытых бурных периодов дореволюционной России — с 1901 по 1907 год. Автор поставил себе задачу создать широкую картину русской жизни того периода.

В обсуждении плана и набросков романа приняли участие: А. Варваровский, С. Валленцев, Вс. Вишневский, Е. Долгановский, А. Юбаев, С. Нагорный, А. Век, Ю. Северук, П. Славян, К. Финин, полковник Е. Болтин и комбриг А. Игнатьев.

10 апреля Государственный академический ордена Ленина Малый театр СССР показал пьесу А. Е. Корнейчука «Богдан Хмельницкий». На сцене: сцена из 1-й картины. На переднем плане: Кривонос — артист С. А. Голосин и Сопонин — артистка В. А. Обухова.

В МИРЕ КНИГ

Во след Радищеву

Как известно, не только рукописи и прижизненные издания А. Н. Радищева, но и большинство документов, относящихся к более позднему времени, в которых упоминается его имя, расцениваются историками и литературоведами «на вес золота».

Поэтому представляется большой интерес новым документ, недавно найденный в одном из рукописей Всесоюзной библиотеки им. Ленина в родовом архиве Корсаковых.

Этот пост скриптус подлинного письма друга и покровителя Радищева, соавателя «Путешествия», графа Александра Романовича Воронцова, надо полагать, написан в 1790 году, на другой день по отъезде Радищева в ссылку, и адресован тверскому наместнику Архарову.

Post scriptum написан на двух листах бумаги размером 20,5 x 32,5 с водяным знаком, изображающим лису. Заполнены 2 1/2 страницы. В тексте и на подписи следы серебряного порошка.

Приводим пост скриптус полностью с сохранением стиля и пунктуации автора: «Р. С. Полагаю, что сей несчастный по объявлению моего Провления отправлен будет из того самого места где он содержится, а по человеческой желая доставить ему нужное для пути отдал триста рублей, дабы ему все изкуленно было, все что надо для той дальнего дороги, но как он отправлен из губернского правления, о чем я сжедал только на другой день, равно как и о том, что для него ничего для дороги не купили, а зная только, что сии триста рублей ему при отъезде вручены, и так посомыслые ныне двести рублей, могут послужить в прибавок на разные его снабжения для сего дальнего пути».

Я прошу ваше превосходительство мне сделать одолжение сему несчастному приказав сказать, что о судьбах его я крайне сожалею, в которую он однако не может не признаться, что сам себя извернул, что он всегда считал на мое о нем сострадание, а всего больше полагаясь на известное милосердие ее величества, так как уже и мог он видеть новый опыт милосердия ее величества, ибо сколь скоро донесения ее величества дошло, что С. Петербургское Губернское Провление неведомо почему при отправлении его велело скрывать и как сказывают гнусную

наголькую шубу на него надели, взяв одну ту же у сторожа или солдата, о чем мы сжедали только на другой день его отправления, то всемогущественная государыня приказав изволила графу Якову Александровичу Брюсу отправить в след за ним курьера с повелением его оковы снять, и для пути нужное доставить, и что сей образ его отправления, тем паче ее величеством не апробуется, что означенной Радищев посылается в ссылку в Сибирь не в работу, а на житье».

Я прошу ваше превосходительство, ежели сие мое письмо к вам, застанет Радищева в Твери именем моим его обладателем, что и в тамошнем его пребывании я не оставлю конечно возможную помощь делать, дабы он без нужды там жизнь препроводить мог, желая только, чтоб он изловил куда доехал, или мне известно вообще, сколь он не крепкого сложения, а впрочем полагаясь бы на Бога и на известное всему свету государынино милосердие, и чтоб тихим и скромным образом поведением в жилище ему назначенном, скрывается бы достойным воззрением и милосердием ее величества».

Я всегда считал на дружбу вашу, а потому и надеюсь, что ваше превосходительство не сочтете себе в тягость таковое мое пожелание к вам, и же все оно исполнителен себе одолжением, и конечно вам признателен буду.

Есть-ли в паче чаяния сие письмо к вам пришло уже после отправления на Тверь Александра Николаевича Радищева, то надеюсь, что вы не откажетесь и по величеству и что мне сделать одолжение принять меры, чтоб такая моя помощь до него дошла, и чтоб деньги употреблены были на покупку нужного для пути его».

Зная сколь сей несчастный привязан к детям своим прошу также его уверить, что сверх того, что они отданы в опеку их деда, а его отца, я конечно их ни в какое время не оставлю.

Г. Александр Воронцов».

В результате заступничества графа Воронцова уже в Нижнем Новгороде с Радищевым были сняты кандалы, и дальнейший путь его в ссылку до Илимска (Иркутская губ.) протекал спокойно.

А. Л. ИВЩЕНКО

Интересная рукопись

В Научной библиотеке при Государственном казанском университете среди рукописей и редких книг имеется рукопись большого арабского романа «О храбрости Кантара Шахдада» — отна самостоятельных всадников.

Роман этот в 60 томах написан в XI веке арабским писателем Муабед ибн Санк. В своем произведении автор показывает мужество, проявленное на войне арабским поэтом Кантаром.

Кантара — известный арабский поэт VI века, принявший участие в литератур-

ном состязании. Его поэма, посвященная одному возлюбленному Габе, считается одним из величайших произведений древнеарабской поэзии. Поэма эта переведена на все европейские языки, в том числе и на русский.

Муабед ибн Санк в своем романе о Кантаре красочно изображает жизнь арабов VI века. Отдельные тома этой книги переведены на европейские языки и издаются в Вене, в 1841 году в Париже и в 1868 году в Гейдельберге.

Писатель в издательстве — человек ма-

Новый перевод «Калевалы»

На последнем декаднике секция народного творчества ССП СССР с переводом карельских рун выступил тов. В. Бокон. В далекие времена создал карельский народ замечательные, обладающие высокой художественностью руны, которые до сих пор живут и существуют в Карелии. Большинство песен из сборника «Калевала» было записано именно здесь.

Попытка нового перевода «Калевалы» с карельского, предпринятая тов. Боконим, заслуживает всеобщего одобрения, но в своей работе переводчик не избежал недочетов. Тов. Бокон допустил в своем переводе ряд нелитературных выражений и слов; боясь однообразия, он нарушил ритм многих песен, спорадически вволя в них мужские окончания, которых нет в подлиннике.

Прения развернулись по двум линиям. Т. Рыбинкова, Рождественская и Пожидаев говорили о большой и нужной работе, проделанной тов. Боконим, о близости перевода к подлиннику. С критикой литературных недочетов перевода выступили тт. Акулишин, Гарф, Сидельников, требовавшие доработать перевод, внести в него поправки, так как в представленном виде он еще несовершенен.

С. ЖИСЛИНА

«Бронзовая табличка»

На обсуждении новой пьесы М. Левидова

Московский Драматический театр принял к постановке комедии-памфлета М. Левидова «Бронзовая табличка». Эта пьеса была прочитана на днях в Московском клубе писателей художественным руководителем театра Ф. Н. Кавериним.

Почти все выступавшие заявили, что замысел пьесы М. Левидова интересен, но каждый из них по-своему оценивал ее достоинства и недостатки. Одни упрекали автора в прямолинейности, в том, что в пьесе нет остроты интриги и она скучна, и тут же подкапывали ему множество漏洞 слабоваты. С этими упреками М. Левидовым в заключительном слове не согласился. Он сказал, что, написав нежесткую пьесу, остался верен своему творческому замыслу. Но автор согласился с теми из выступавших, кто, поняв, что это не бытовая комедия, а гротеск, упрекал М. Левидова в смешении стилей. Одни персонажи даны в пьесе в плане гротеска, в то время как другие написаны в реалистическом плане. Кроме того, центральные образы пьесы — Чуткий и Борой, — которые должны быть не столь смешны, сколь страшны в своем моральном уродстве, но вызывают отвращение и негодование зрителя.

Все пришло к выводу (и автор согласился с ним), что над пьесой надо еще поработать.

УМЕР А. А. ГВОЗДЕВ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Ленинграде скоропостижно скончался известный театровед, член союза советских писателей, профессор А. А. Гвоздев.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ МАТЕРИАЛОВ

В связи с опубликованной в «Литературной газете» № 20 10/IV—39 г. заметкой т. В. Гоффеншера «Беспримечное отношение радиокомитета», литературно-драматический сектор Всесоюзного радиокомитета сообщает, что 10 апреля по радиостанции им. Коминтерна была дана поправка следующего содержания:

«Восьмого апреля в двадцать часов тридцать минут по станции имени Коминтерна мы передавали отрывок о творчестве писателя-орденоносца Михаила Шолохова. Автором указанного отрывка является тов. Гоффеншер, фамилия которого ошибочно не была названа».

Начальник литературно-драматического сектора Всесоюзного радиокомитета С. КАЛИНИК

КУРСЫ-КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Курсы-конференция молодых писателей 32 автономных республик открывается сегодня, 15 апреля, в 7 часов вечера, в Клубе писателей. Вступительное слово — А. Фадеева. О характере работы курсов рассказывает Л. Соболев. О программе-плане работ сообщит аведующий курсами В. Лавут.

В заключение — концерт, в котором участвуют Яков Флиер, Буся Гольдштейн и Ирма Яузаев.

Календарь первой пятнадцатидневки работ курсов-конференции: 16 апреля в 10 часов 30 мин. утра — лекция проф. И. В. Ребельского «Организация и гигиена умственного труда». В 2 часа дня — посещение музея Ленина. Общественные чтения в Музее М. Г. Левинской, Г. И. Касимовской и тов. Стопан. В 5 часов — посещение музея Ленина. В 6 ч. 30 минут — беседа с И. И. Чичероном о спектакле «Любовь Яровая» в Художественном театре, в 7 часов 30 мин. — просмотр этого спектакля.

17 апреля в 11 часов утра — посещение музея им. Пушкина («Древний Египет» — проф. В. И. Андеев, «Античная архитектура» — С. Н. Нибел, «Травора» — проф. В. М. Невежина, «Живопишь» — А. И. Залаянина, «Скульптура» — Е. Н. Крашущинкина).

В 2 часа 30 минут — посещение Литературного музея, ознакомление с выставками: «Слово о полку Игореве» под руководством К. Н. Виноградова, «Шевченко» — под руководством Г. Е. Холмина и «Маяковский» — под руководством А. Г. Бромберг. В 6 часов 30 мин. — беседа с П. А. Марковым о спектакле «Горе от ума» в МХАТ. В 7 часов 30 мин. — спектакль «Горе от ума» в Художественном театре.

18 апреля. В 11 часов утра — беседа с Я. О. Борожом о спектакле «Земля». В 13 часов — спектакль «Земля» в МХАТ. В 3 часов 30 мин. — беседа с И. И. Ремезова о балете «Кавказский пленник». В 7 часов 30 мин. — балет «Кавказский пленник» в Большом театре. После спектакля — обсуждение.

19-го в 11 часов утра — посещение Третьяковской галереи и выставки историко-художественных работ под руководством Л. М. Тарасовой, В. И. Меллер и К. О. Шмидт. В 3 часа дня — беседа с В. Лыдиным и В. Козиним — о новелле. В 6 часов 30 мин. — беседа с профессором Г. Г. Назаровым о музыке Бизе «Кармен». В 7 ч. 30 минут — спектакль «Кармен» в Большом театре. После спектакля — обсуждение.

20 апреля в 11 часов — лекция проф. И. В. Ребельского о работе над книгой (как самостоятельно изучать «Историю МЭИ(6)»). В 2 часа 30 мин. — посещение музея Ленина, ознакомление с залами второго этажа. В 6 часов 30 мин. — беседа с Д. О. Заславским о спектакле «Смерть Паулины». В 7 часов 30 мин. — «Смерть Паулины» Салтыкова-Щедрина в МХАТ. После спектакля — обсуждение всех спектаклей, просмотренных в Художественном театре. В обсуждении принимают участие режиссеры и артисты МХАТ.

Новые книги

Чкаловское областное издательство выпустило:

«Степные огни» — литературно-художественный сборник № 2. В сборнике помещены: большая повесть А. Антонова «Сын партизана», рассказы И. Семенова «Васюк» и «Покоритель», две новеллы П. Худякова, опубликованные письма П. Плещеева со вступительной статьей и комментариями И. Прияшниковой, стихотворения И. Бортышкова и И. Силыкина.

«Т. Г. Шевченко в ссылке». В книжке помещены статьи И. Прияшниковой — «Годы изгнания», И. Изотова — «Творчество Шевченко в ссылке», А. Бочагова — «Где жил Шевченко».

Омским областным издательством выпущена первая книга «Омского альманаха». В первой книге напечатаны: рассказы А. Салова — «Скрипка», В. Уткова — «Алион», В. Чернова — «Нур-Алмед», историко-литературный очерк С. Жукова — «Иртыш, Иппокрена, Лета» (поэты-тобольяне XVIII столетия), стихи С. Федотова, Л. Мартынова, А. Нестерова, А. Матушевца, Л. Кондратьева, В. Губина и других.

Кроме того, в книгу помещены песни казачок Павлодарской станции и статья В. Бурмина «Конец захолустья».

«М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН»

На днях издательство «Советский писатель» сдает в печать работу В. Я. Кипротина — «М. Е. Салтыков-Щедрин». Этот литературно-критический очерк является исследовательским обзором жизни и творчества великого русского писателя. Издательство предлагает выпустить книгу (18 печатных листов) к 10 мая — к 50-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ХРОНИКА

В Военно-морском училище связи им. Орджоникидзе (Ленинград) состоялось обсуждение книги Юрия Германа «Наши знакомые» и «2 повести». С докладом о творчестве Германа выступил курсант третьего курса училища т. Красногор.

В конце апреля литературная и научная общественность Москвы отмечает тридцатилетие научной деятельности в области фольклористики академика Юрия Матвеевича Соколова.

Рукописное отделение Института литературы Академии наук СССР приобрело часть семейного архива Салтыковых — письма писателя тата Вятки, где он был в ссылке, письма матери писателя к детям, мужу и сестрам. Письма обнаружены ленинградским литературоведом Е. Макаровым в Спасском — бывшем родовом имении Салтыковых.

Азербайджанский государственный еврейский театр провел с 4 по 15 апреля декоративные спектакли. В репертуаре декоративные «Блуждающие звезды», «Кровавая шутка», «Степаненко», «Тельмошечки».

В секции советской литературы Института мировой литературы им. Горького сегодня состоялся доклад В. Пердова на тему «Маяковский и его революционное окружение в 1907—1910 гг.»

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В вышедшей в издании Госкиноиздата «Книге спенариев» напечатан спенарий «Детство Горького». Представлен этот материал был не мною и напечатан без моей корректуры, вследствие чего в литературном отношении я не могу нести за него полную ответственность.

Илья ГРУЗДЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

Письмо из Татарии

Татарскую литературу мало знает русский читатель. На русский язык не переведены татарские прозаические и драматургические произведения писателей, как Шариф Камал и Галиаскар Камал, «не удостоившись» внимания русских издательств и журналов.

Величайший татарский поэт Абдулла Тукая переведен на русский язык плохо. Не переведены произведения Гафури, поэта-орденоносца Шейхи Манура и таких известных в Татарии поэтов, как Файяз, Ватал и Баия.

Между тем татарская литература дала в последние годы много хороших произведений. Появились и выросли новые молодые писатели: Рашид, Иляс, Хусиян и Кутуп. Успешно работает драматург-орденоносец Таис Ганев и Ахес Камал. Наряду с новыми произведениями известных татарских поэтов Манура, Джалыля, Ерикеева, Вагана и Файяз в каждом городе все отчетливее и сильнее звучат свежие голоса целой плеяды молодых поэтов, из которых в первую очередь нужно отметить лириков С. Хакима, Н. Давля и поэта-песенника М. Садре.

Безспорным достижением татарской поэзии является создание коллективной общественной поэмы о комсомоле.

Однако этой большой рост татарской литературы шел помимо правления союза писателей Татарии. Оно не только не помогало писателям в их работе, но подчас и тормозило ее.

ССП СССР вместе с татарским обкомом партии ознакомился с работой писателей Татарии и с деятельностью правления татарского союза и Татиздата.

Перед глазами развернулась довольно депрессивная картина.

Правление в основном «важничало» административным. Председатель правле-

ния т. Вахитов, не имеющий никакого отношения к литературе, самоустранился от хозяйственной и финансовой деятельности союза, фактически передоверив всю работу бывш. отв. секретарю Хан Замилу, состоявшему по совместительству и исполнителем Литфонда.

У Хан Замилы был свой «метод» работы. Он всегда обещал сделать все, о чем его просили, и никогда ничего не делал. Написав в прошлом несколько плохих пьес, Хан Замиль решил сделать критиком. В правление союза были присланы для ознакомления несколько статей молодого и способного критика Халифа о литературном наследстве Тукая. Хан Замиль прочел, кое-что изменил и, не краснея, напечатал их в газетах и журналах под своей фамилией.

Тов. Вахитов, партгор Имамутдинов и некоторые писатели даже после снятия Хан Замилы с работы продолжали защищать его, заявляя, что «это же не плагиат и что надо пожелать молодого человека».

А Хан Замиль проявил немалую «стабильность» и в руководстве хозяйством союза.

Большинство имущества, находящегося в писательских дачах Литфонда, было списано как негодное. В составленном акте встречаются позитивные классические места: «Мелоток разбился», «Волдок из конторы исчез», «Вешалки исчезли при переводе», «Мел лежал на квартире и исчез неизвестно куда» и т. д.

Деньги в Литфонде раздавались направо и налево, так как прибегать к коллективному решению о выдаче суд Хан Замиль не любил.

На такой «плодородной» почве рождалась подхалмишество, лезть и семейственность.

Руководство правления ТатССП некогда было заниматься работой писателей, литературной продукцией, творческим ростом писателя. Ни одно произведение не обсуждалось на заседаниях правления.

Обращение писателей к правлению о просьбой улучшить условия работы рас-

сматривалось как рвачество. Ваньт хотя бы следующий пример. Бригада почтовых работников над коллективной почмой к 20-летию комсомола. Организация этого дела опытно-такти была поручена Замилу. Для почтовиков было помещено за городом. Единственным местом, где можно работать, был чердак, в лестницы которого стояли в очереди, ожидая, когда сверху сойдут товарищи и освободится место. Литфонд как-то забыл прислать продукты: голландские сыры, колбасы, сметану. Когда почт. тов. Мансур стал открыто возмущаться, его обвинили в «врачевстве».

Писатель Шариф Камал выступил против «Богды рождается прекрасное» и попросил правление обсудить его, поэт Нур Билял написал к седу партии поурму «Клятва» и просил устроить ее обсуждение, орденоседец Таис Ганев, крупнейший драматург, неоднократно ставил вопрос о переводе его пьес на русский язык. Ни один из этих товарищей не мог ничего добиться от руководства союза.

Правление не замечало творческого роста писателей. Писатели, имевших в прошлом ошибки, но затем написавших хорошие произведения, до самого последнего времени не печатались, не buscали в литературу. Так было с писателями Кутупем, Тляшим и др.

Выступившие писатели перед широким читателем резко осуждали отдельных членами правления и партгором. Писатель Ерикеев был привлечен к партийной ответственности за то, что осмелился отчитать свои стихи на заводе.

Выезд на производство? — Это же не советские методы работы, — возмущаются писатели, — возмущаются руководители союза.

Художественная литература занимает ничтожно малое место в плане Татиздата — всего 9,12 проц. общей продукции — и не обеспечена ни одной тонной бумаги. В прошлом году работники Госплана ТатССР передали разным организациям 12 тонн бумаги, отпущенной на художественную литературу. А сам Татиздат использовал для печатания канцелярских бланков и блокнотов высшего сорта бумагу, отпущенную для детской литературы.

Писатель в издательстве — человек ма-

ленький, особенно беспартийный писатель. Его до сих пор не допускали к редактированию книг. Но так как квалифицированных редакторов-коммунистов очень мало, то все же издательство приходилось обращаться к беспартийным писателям. Писатель редактировал рукописи, получая из рублей за печатный лист, а затем рукописи переходили к редактору — члену партии, который получал за ее просмотр 30 рублей за печатный лист, и рукописи выходила в свет за подписью редактора-коммуниста.

Редакторский состав в Татарии не на высоком уровне. Писатель Ерикеев перевел на татарский язык книгу тов. Маршак «Человек рассеянный». Редактор возмущался и разразился следующей резолюцией: «Использовать не можем, потому что в СССР такого человека, который показан здесь, быть не может. Произведение говорит, что такой человек есть — издевательство». Правда, эту непревзойденную резолюцию написал редактор Радиоцентра, но и некоторые редакторы Татиздата недалеко ушли от последнего. Редактору повесть Тляша, редактор Имамутдинов исправляет автора: «В Москве на Красной площади нет памятника Ленину» и Паражарому. В произведении Файяз имеется фраза «Воспаленный сердце». Редактор в панике. Он настаивает на удалении этой фразы, мотивируя тем: «Что особенно возмущает, не то, что написано гаснуть. Советские сердца не тлеют». В Пушкинской «Сказке о царь Салтане», переведенной на татарский язык т. Мансуром, редактор без ведома последнего сделал такие изменения, что текст стал неграмотным.

Такова квалификация многих редакторов. Они стремят под одну гребенку рукописи писателей и подчас качают произведения. И проза и поэзия редактируются одним и тем же редактором. Оплата труда редакторов ничтожна.

В Татиздате существовала вредная антипартийная тенденция снижения самостоятельности продукции за счет снижения гонорара писателя. Например, при выдаче сборника художественных произведений последний слышался «подлая» ставителю, который должен был сам рас-

плачиваться с авторами, удерживая с последнего в свою пользу за труды 25 проц. с выплачиваемого им гонорара. Такая работа с «подхалмишками» не только нарушает интересы писателя, но является неэкономной, противоречащей советской практике.

Книги оформляются плохо, по типу арифметических задачек или пособий по статистике. Серые, скучные, и небрежно напечатанные обложками.

Некоторые татарские газеты не понимают сущности писательского труда: «Панте стухи и рассказы о переносе, о кампаниях, — тогда поместим». Критические статьи о новых произведениях и о классическом наследстве, как правило, в газетах не печатают. О писателях вспоминают только тогда, когда им нужно за что-нибудь выругать.

Татиздат впервые запрокинул на 1939 г. одну книгу критических статей т. Халифа, которая лежит в издательстве без всякого движения уже около двух лет.

Литературное же наследство в Татарии огромно. Здесь жили и работали В. И. Ленин, Чернышевский, Л. Н. Толстой, М. М. Горький. Огромное классическое наследие татарской литературы до сих пор не собрано. Литературные архивы хранятся на частных квартирах. Многие из литературного наследства растащено и разбазарено врагами народа. Неизвестно, где и остался ли в целости архив классика татарской литературы Галиаскара Камала, вывезенный после его смерти из его квартиры врагами народа.

На широком писательском собрании в Казани горячо обсуждался вопрос о работе писательской организации. Писатели вскрывали недостатки, вносили предложения по нааживанию работы союза.

20 апреля начинаются переборы правления союза писателей. ССП СССР и татарскому необходимо уделить особое внимание этому делу.

Для лучшего ознакомления с богатством татарской литературы и татарского искусства татарская накомиссия ССП СССР и Клуб писателей намечает провести в текущем году в Москве вечер татарской литературы и искусства.

Л. АРГУТИНСКАЯ А. МИНИХ